

9(Даг)
М12

БИБЛИОТЕКА ФОНДА ШАМИЛЯ

Профессор Р.М.Магомедов

ДВА СТОЛЕТИЯ С ШАМИЛЕМ

Махачкала 1997 г.

9(Даг)
М12

Библиотека фонда Шамиля
Профессор Р.М.МАГОМЕДОВ

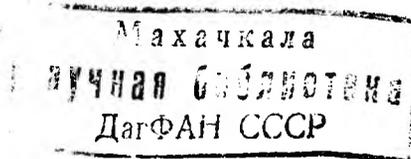
ДВА СТОЛЕТИЯ С ШАМИЛЕМ

Махачкала 1997 г.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ГОРСКИХ НАРОДОВ

Культурно-исторический благотворительный фонд имама Шамиля выражает искреннюю благодарность генеральному директору АО "Дагэнерго" Гамзатову Гамзату Магомедовичу за выход данной книги.

461732

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

В 1997 году в нашей республике, вероятно и за её пределами, будет отмечаться двухсотлетие имама Шамиля - руководителя народно-освободительной борьбы горцев. Празднование будет всенародным. Вообще-то праздничный шум не очень мне нравится, но этот юбилей особый. Не только потому, что и масштаб этой личности, и историческое место исключительны. Кроме всемирной славы за минувшие 200 лет на долю Шамиля доставалась и недостойная клевета (началось это еще при его жизни, продолжалось и долго после смерти), и затяжные периоды обидного замалчивания. Я думаю, каждый из нас не раз ощутил, что не полной мерой отмеривались этому великому человеку его заслуженная слава и историческое признание за эти двести лет - не беда, если теперь выплеснется и то, что так долго удерживалось и утаивалось.

И сам собой встает другой вопрос: ведь двести лет прошло, все переменялось... Так в чем же причина, есть ли смысл теперь, среди нынешних проблем, обращаться мыслью к делам двухвековой давности и их вершителю - Шамилю? Наверное, смысл есть. Давно уже замечено, что широкий интерес к истории пробуждается в драматические периоды жизни народа (для нашего времени это подходит вполне) - люди ищут в прошлом объяснений нынешнего, примеров для будущего. Но еще больше стремятся почерпнуть уверенность в том, что и нынешние проблемы они одолеют - ведь когда-то еще и не такое случалось, и ведь выстояли! Что правда, то правда - наши нынешние трудности блекнут перед теми бедами, которые знали горцы времен Шамиля, а ведь сумели достойно, с честью превозмочь их! Так что нам есть на что оглядываться.

1. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ВОЙНЫ ГОРЦЕВ

Историческим испытанием тогдашних горцев стала Кавказская война. Началась она, когда Шамиль был 20-летним мутаалимом и скорее всего не мог даже предполагать своего высокого предназначения. Шамиль - простой уздень (свободный горец) родился в 1797 году в с. Гимры

тогдашнего Койсубулинского вольного общества. Он от природы был наделен железным здоровьем. Отец его - уздень Дингау-Магомед, мать - Баху-Меседу из аула Ашильта. Учиться начал с шестилетнего возраста у своего дяди по матери - Хадура, через несколько лет его учителем становится имам Гази-Магомед, в последующем - первый имам Дагестана. Шамиль пользовался познаниями и наставлениями всех известных тогда ученых, в том числе Магомеда Ярагского и Джамаллудина Кази-Кумухского, успешно он прошел курс грамматики, логики, риторики, арабского языка, философии. Пожалуй, по призванию Шамилю была предназначена роль ученого богослова-востоковеда. Обстоятельства по-иному распорядились им. Он присоединился к борющимся за свою свободу и независимость Родины горцам и быстро завоевывает авторитет и уважение, становится одним из самых близких и преданных сподвижников первых имамов Дагестана и Чечни Гази-Магомеда и Гамзат-бека. Шамиль совершает ряд подвигов, еще больше укрепивших его авторитет. После трагической гибели Гамзат-бека представители народа и духовенства, съехавшиеся со всех концов Дагестана и Чечни в местности Арак-Тау близ Ашильта, провозгласили Шамиля имамом-предводителем народно-освободительной войны горцев. Став вождем горцев, Шамиль проявил в себе редкое дарование воина и администратора.

Обычно историки ищут объективные причины событий. Почему восстали горцы? Российская империя к 1813 году в основном овладела Закавказьем - проблемой стали надежные пути туда. Главный Кавказский хребет - это созданная самой природой двухтысячметровая преграда, и есть лишь два естественных и постоянных прохода сквозь нее - Дарьяловский и Дербентский (все остальные труднодоступны и ненадежны). Дарьял был взят под контроль в XVIII в. - Дербентский путь проходил по прибрежной равнине Дагестана... Справедливо ли, что географическое положение Дагестана превратилось для него в какое-то историческое наказание?

Со времен скифов (если не раньше) великий транзитный путь вдоль западного побережья Каспия, связывающий

Великую Степь с Передней Азией, неудержимо притягивал к себе многих - он стал фактором исторической судьбы дагестанцев.

С другой стороны, пользование или даже владение путем не обязательно влечет за собой войну - почему же оказалось невозможно мирное политическое решение? Резко переменялась политическая обстановка на Кавказе: к началу XIX в. он оказался в составе Российской империи. До тех пор горские земли были для России субъектами внешней политики, и любые политические уступки и компромиссы все-таки не нарушали их самостоятельности - теперь же они стали объектами внутренней политики, у которой другие правила: безусловное подчинение распоряжениям администрации. Для дагестанской политической элиты это было стрессом: надо было либо отвергнуть случившееся, либо - принять. Дальнейшие события показали, что оба пути вели к войне - еще раз подтверждалось, что переломные моменты развития наиболее опасны.

Принявшие новый порядок феодальные верхи Дагестана лишились самостоятельности, но приобрели возможности карьеры и расширили свою власть над «простонародьем», опираясь на имперскую администрацию и армейские штатки. Так было нарушено шаткое «социальное равновесие» в части феодальных владений и вольных обществ Дагестана. Здесь народ воспринимал этот нажим как произвольный отход от прежних традиций и не без основания связывал его с имперскими порядками. Нарастающее недовольство «взрыхлило почву» для тариката, а для немедленного вооруженного выступления был нужен лишь толчок. Толчок вскоре последовал. Не принявшие новый порядок осознавали случившееся как нарушение политической традиции, которая признавалась Россией в XVI в., а свои выступления считали, конечно, борьбой за свои права против произвола. Надежда на помощь Ирана не оправдалась (обращение ханов- Шихали и Кунбуттая)-оставалось лишь ждать момента. В поддержке народа они были уверены - ведь и в прежние века (вплоть до Надир-шаха) горская аристократия признавалась военно-политическим руководителем народной борьбы против иноземной угрозы. В 1817

г. начались выступления в Чечне и Кабарде - горцы были обеспокоены продвижением кордонных линий на прежде свободные земли; в следующем году выступила коалиция дагестанских владетелей. Таково было начало Кавказской войны.

Первое выступление ханов аварского, мехтулинского, кази - кумухского, майсума Табасаранского, уцмия Кайтагского и кадия Акушинского было подавлено Главкомандующим Кавказской армией, генералом А.П.Ермоловым к 1821 г., и на несколько лет движение утихло. Казалось бы, можно было учесть причины случившегося и не допустить новой вспышки. Но не такова была имперская администрация! Позже наиболее мыслящие ее представители, стремясь выявить причины массового недовольства горцев, просто диву давались, видя промахи и глупости своих коллег: тут и административный произвол как система, и нарушение традиционных экономических связей равнины и гор, и злоупотребления властью вплоть до запретов совершать хадж, и поддержка непопулярных владетелей, и т.п. Короче говоря, удивляет не новая вспышка движения, затмившая прежнюю, - удивительно было бы, если бы этого не случилось.

Итак, к столкновению вел целый комплекс причин разного уровня -здесь и неудержимая экспансия Российской империи к торговым и стратегическим путям мирового значения, и резкое нарушение извне традиций самостоятельности и суверенитета, и нарушение социального равновесия, и бесконечный ряд административных ошибок, вызванных некомпетентностью, безответственностью, жадностью... Наверное, возможны и разные подходы к вопросу о начале войны. Но при любом из них бесспорным остается одно: забыта была свойственная горцам любовь к свободе и независимости; горцы вели войну на своей земле, вели ее против противника, действовавшего за пределами его этнической территории; они защищали не только свои земли и дома, но и свои традиции и самостоятельность как условия своего нормального исторического и культурного развития. Они вели национально-оборонительную войну, и это не только объясняет, но и оправдывает их действия.

2. БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ МИРНОГО ИСХОДА ВОЙНЫ В ДАГЕСТАНЕ И ЧЕЧНЕ?

Условия для войны были созданы обстоятельствами, причины ее были созданы людьми. Но война тянулась более сорока лет - неужели не было возможностей остановить ее раньше? Мне видятся две такие неиспользованные возможности - и обе приходятся на время имаматства Шамиля. Они обозначились в 1837 г., после похода генерала Фезе на Ашильту и на Телетль. Обе стороны были измотаны борьбой, установилось «равноправие сил». Кроме того, разгоралось восстание на юге, в бывшем Кубинском ханстве, что вызвало волнения в Табасаране, Кара-Кайтаге и в долине Самура. Обе стороны нуждались в передышке. Начались переговоры. Посредником выступил казикумухский хан Магомед-Мирза. В руки Фезе были переданы два аманата (один из них - племянник Шамиля Гамзат). Вот отрывок из письменного договора: «Выдавая аманатов Магомед-Мирзахану, мы заключили мир с российским государством, которого никто из нас не нарушит - с тем, однако, условием, чтобы ни с какой стороны не было оказано ни малейшей обиды против другой. Если же какая-либо сторона нарушит данные ею обещания, то она будет считаться изменницей; а изменник почтется проклятым перед богом и народом. Сие наше письмо объяснит всю точность и справедливость наших намерений»... 7 июля 1837 года Шамиль скрепил договор клятвой на Коране.

Военные действия прекратились в апреле 1839 года, т.е. почти через два года. Как знать может быть перемирие, продлеваясь, превратилось бы в мирные отношения, если бы не неуклюжие «инициативы сверху», из Петербурга. В 1837 г. Николай I выехал в Тифлис, и министр двора граф В.Ф. Адлерберг предписал главнокомандующему на Кавказе барону Г.В.Розену, чтобы «Шамиль был лично представлен Его величеству». Никакой реальной необходимости в такой встрече не было, ни император, ни имам такого желания не выражали - очевидно, было неистребимое желание чиновников «отличиться» и «выслужиться». В итоге - бесплодная встреча Шамиля с Клюги фон Клюгенау, и резкая ссора. Но и после этого Шамиль успел написать Розену: «Вне сомнения, я желаю установить с

тобой соглашение и мир, и до сего времени я непрерывно желал этого; я не сделал ничего худого и злого против твоих ставленников и против твоих укреплений, разве лишь после того, как они пытались овладеть нами, воевать против нас и пленить нас. Если мы придем ко взаимному соглашению, то это приведет нас к миру, между тобой и теми, которые следуют моим велениям, т.е. мусульманскими войсками. Я хочу с тобой лишь мира, поскольку вы оставите нас на наших землях, не покушаясь на действия, противные нам. Да будет мир над теми, которые следуют истинному пути».

Однако ген. Розен был смещен генералом Е.А.Головиным (который некогда подписал документ о награде за голову Шамиля), а в следующем году было подавлено Кубинское восстание, и у командования освободились руки. Шамиль до этого вел себя лояльно, он даже не сделал попыток использовать события на юге для распространения движения на Азербайджан (к границам Ирана и Турции). Но видя такой поворот дел, он возобновил строительство укреплений (Ахульго), сплочение и организацию горцев. Головин же начал подготовку похода против генерала П.Х.Грассе... Стороны не доверяли друг другу. Все это кончилось кровопролитными боями под Ахульго. Так перемирие было нарушено. Боевые действия были перенесены в Чечню. Отсюда целых 20 лет Шамиль руководил горцами Северного Кавказа.

Вторая попытка перемирия падает на 1855 год. Главные успехи Шамиля уже позади, но и положение царизма нелегкое: уже умер Николай I, англо-французские войска держали в осаде Севастополь. Крымская война истощила все военные силы России. Это вновь приводит к «равновесию сил» на Кавказе. Сменивший М.С.Воронцова еще в начале Крымской войны командующий Кавказской армией Н.Н.Муравьев с самого начала склонялся к переговорному пути. Последовавший за походом в Закавказье 1854 г. обмен княгинь Орбеллиани и Чавчавадзе на сына Шамиля Джамалудина дал начало переговорам, где Муравьев предложил Шамилю свой проект: прекращение военных действий; признание Россией Имамата самоуправляемой областью и невмешательство в его внутренние

дела; признание Шамилем протектората России над Имаматом. Шамиль выразил согласие обсудить эти принципы и прекратить военные действия на время переговоров. В целом предложения Муравьева были приняты и дополнены, предусматривалось устройство торговых пунктов на пограничной черте. Соглашение начало выполняться, блокада Имамата прекратилась - с другой стороны, вплоть до конца Крымской войны (1856г.) прекратились и нападения мюридов на царские войска. Но вот завершилась война в Крыму, начались переговоры в Вене. И почти одновременно началась переброска на Кавказ высвободившихся войск Турецкого и Крымского фронтов. Генерал Н.Н.Муравьев был снят с должности и заменен князем А.И.Барятинским. Война возобновилась. Однако в правительстве успело сложиться мнение в пользу дипломатического, переговорного пути с Шамилем. Главным его сторонником был министр иностранных дел, один из крупнейших дипломатов XIX в. князь А.М.Горчаков. Смерть Николая I, поражение России в Крымской войне, тяжелые условия Парижского договора 1856 года создали в Петербурге столь тягостную атмосферу, что даже успехи графа Евдокимова и Барятинского в 1857-59 гг. не внушали там надежд на скорую победу. В апреле 1859 года Горчаков прямо пишет Барятинскому, что для «усиления влияния России в Европе нужен мир на Кавказе». Барятинский согласен с ним лишь отчасти: «... простое дружественное соглашение с Шамилем, даже если бы оно и состоялось, то хотя и могло бы продвинуть многие наши дела, но было бы далеко еще не окончательным решением...» - пишет он в ответ Горчакову в мае 1859 года. Но в июле в Стамбуле появился доверенный человек Шамиля с просьбой о помощи. Её он от Турции не получил - тогда он обратился с предложением о переговорах к русскому послу. Как только об этом стало известно в Петербурге, там оживились сторонники мирного пути: 28 июля Барятинскому направлено уведомление: «... Агент Шамиля представился нашему посольству, снабженный по его словам доверенностью для вступления с нами в переговоры. Велено отправить его прямо в Тифлис, и совершенно полагаются на Вас, как уже условлено, чтобы убедиться, можно ли с ними достигнуть соглашения. Если это случит-

ся, это будет великий результат, вся слава которого будет принадлежать Вам...» - Итак, до Гунибской драмы оставалось уже менее месяца, а правительство России продолжало желать соглашения с Шамилем, считая его «великим результатом» и «славой»! А.М.Горчаков шлет Барятинскому одно за другим три письма (26 и 30 июля, 8 августа), где сообщает, что царь наделил его полномочиями на переговоры с посланцем Шамиля: «...Политический горизонт, дорогой князь, далеко не ясен... Если бы Вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы, достигнув этого без жертв кровью и деньгами...» (как будто сегодня сказано. Канцлеру Горчакову вторит и военный министр - 29 июля он пишет Барятинскому: «... Шамиль, доведенный Вами до крайности,.. предлагает примирение. Конечно, Вам одному судить, на каких условиях сие допустить можно...» - но дальше советует «... предпочесть благодетельные плоды примирения славным военным подвигам!» - На этот поток советов А.И.Барятинский отвечает только 24 августа - за сутки до сдачи Шамиля - «... Я начал осаду обширной скалы, где теперь гнездится старец гор... надменный имам оттолкнул все весьма приличные предложения, сделанные мною на случай, если он согласится сдаться» - тут же ремарка: если бы посланец Шамиля и успел бы добраться из Стамбула, то в этих обстоятельствах это было бы уже поздно (на следующий день Барятинский принял капитуляцию Шамиля). Но еще за две недели до нее канцлер России считал за лучшее переговоры и соглашение с Шамилем!

О чем говорят все эти факты 1837-39, 1854-55, даже 1859 гг.? Выходит, что иногда появлялась реальная возможность приостановить войну - дважды случались длительные (до двух лет) перемирия. А если бы даже перемирие перешло бы в длительный мир, хотя бы на условиях Н.Н.Муравьева - смог ли бы существовать Имамат в окружении земель под имперским управлением? Или это утопия? Как знать. Вспомним, что в составе Российской империи существовали на правах протекторатов Бухарское и Хивинское ханства - каждое со своими законами, границами, династиями, военными формированиями. С

1809 г. частью Российской империи было Великое княжество Финляндское - со своим Сенатом, конституцией и законами, с собственной денежной системой и армией. На тех же правах в нее было включено в 1916 г. и Царство Польское (до восстания 1830 г.) - Наверное, «несбывшееся» и «невозможное» - это все-таки разные вещи.

Примечательно, что и Шамиль не выглядит здесь бескомпромиссным, непримиримым фанатиком - нет стремления к «джихаду во что бы то ни стало». Напротив, это гибкий политик с достаточно широким маневром. Он охотно идет на примирение и уступки, если для этого не надо поступаться основными принципами, а на другой стороне находятся такие сторонники соглашения. Но не все зависело от него одного...

3. ШАМИЛЬ И НОВЫЙ ТАРИКАТ

Широкое народное социальное движение под религиозными лозунгами, - в истории эта вещь под названием тарикатское учение не редкая. Оно зародилось и распространилось в тогдашнем Кюринском ханстве, которое было подвластно России. Но все же тарикат дагестанских имамов в национально-оборонительной войне горцев занимает особое место. Существовая с XIV в., накшбандийский тарикат был индивидуальным путем человека к Аллаху, программой внутренней работы над собой вдали от мира - он прежде никогда не был идеологией массовых движений, вооруженной борьбы и т.п. - эти черты он почему-то приобрел в Дагестане в XIX в. Первые историки движения горцев довольно рано (в 1869 г.) отметили эту разницу, предлагая не смешивать «тарикатских- мюридов» с «шамилевскими мюридами». В чем тут дело? Как было сказано, 1818-21 гг. показали, что традиционные формы организации горцев, которые были еще пригодны во времена Надир-шаха, больше не оправдывают себя, а иных у народа нет -отсюда трехлетняя «пауза» в движении. Заслуга наших имамов, начиная с Магомеда Ярагского и Джамалудина Кази - кумухского, видимо, в том, что в одном из течений суфизма они сумели разглядеть и «общую» идею, стоящую выше местных отличий и особенностей, и веками отшлифован-

ную форму организационного единения, с присущими ей отработанными механизмами контроля, ответственности, дисциплины. Новое применение, которое придали старой суфийской форме, позволяет говорить о «новом тарикате» дагестанских имамов, давшем народному движению новые формы организации - с 1828 года это особенно заметно: образно говоря, подобно тому как душа, проникая собою тело, делает его живым, тарикат, проникая тогда в народ, воскресил движение горцев.

Отсюда еще не следует, что религиозной идеей можно пользоваться как политическим инструментом, гарантирующим успех - а похоже, что среди нынешних политиков есть и такие «практики». Однако сравнивать их с тарикатистами XIX в. не позволяют два существенных отличия. Во-первых, тогдашние тарикатские руководители прекрасно знали о чем говорили: это были образованные люди, знавшие арабский язык и теологию, посвятившие этому много сил и времени - этого нельзя сказать о большинстве нынешних политиков, использующих религиозный «имидж». Мы видели уже и таких, которые не будучи шейхами, готовы на самые невероятные акции (вплоть до провозглашения газавата), им просто неизвестно, не приходит в голову, что на это еще надо иметь право! Таких шейхов имевших право во всем Дагестане, было всего трое на протяжении всего XIX века.

Во-вторых, судя хотя бы по тем жертвам во имя идеи, которые приносили люди того времени, религиозная идея не представлялась им как «средство» - в их глазах она всегда была целью и критерием их жизни и деятельности. И наконец: в истории бывает сходство, но не бывает повторов - поэтому поздние «копии» всегда будут ниже и дешевле «оригинала», которому они подражают.

4. СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДВИЖЕНИЯ ШАМИЛЯ

Живой и понятный нынешний интерес к национальной и религиозной сторонам движения Шамиля как-то все больше заслоняет его общественную, социальную сторону. Конечно же, это были люди всех кавказских национальностей, конечно же, это были мусульмане - но прежде это были

свободные горцы, уздени и освобожденные от зависимости райяты и рабы.

Равенство мусульман перед Аллахом должно проявляться в этом мире как их равенство в общине (то есть гражданское, правовое равенство) - противящийся этому становится нарушителем норм религии, а потому наказания заслуживает самого сурового. Еще до Шамиля была уничтожена династия хунзахских ханов, при нем - бекские роды в Ругудже, Ункратале, Телетле, Гоцо, Урибе, Зиури, Сиухе, Голотло, Гонада. Одновременно уничтожались и всякие личные повинности в их пользу. Разрушены ханские резиденции в Хунзахе, Кази-Кумухе, Шамхальстве Тарковском. Целые райятские села получали свободу, а их жители уравнивались с узденями в правах и обязанностях - так было с четырьмя селами близ Хунзаха, со всеми райятскими селами Кази-Кумуха, перешедшими на сторону Шамиля. Сложнее обстояло дело с рабами - слугами: освобождение поставило бы их в положение нищих, лишенных средств существования. Таких оставляли у их хозяев, обязывая снабжать слуг всем необходимым и обращаться по-человечески. Следует сказать, что и человек из феодального сословия мог найти себе место в этом новом обществе: для этого он должен был отказаться от всех прежних привилегий и претензий, жить за счет личного труда или службы, признать свое равенство с остальными мусульманами. Поскольку среди таких были люди образованные, с опытом военным и административным, то для них не был закрыт и путь к продвижению. Духовенство сохранило свое почетное место в обществе, однако вакуфные доходы его были теперь ограничены.

Понято, что такая социальная политика привлекает на сторону имамов и особенно Шамиля огромное большинство трудящихся горцев - она проводилась в интересах народа, соответствовала его представлениям о равенстве и справедливости, да к тому же и оправдывала эти представления требованиями религии. Если же посмотреть на эту сторону движения горцев глазами исторической науки, не вызывает сомнения его сходство с «крестьянскими войнами» феодальной эпохи в разных странах. Обычно они оканчивались поражением. Но движение горцев под руководством

Шамиля на Северном Кавказе в 20-50 гг. XIX в. - это редкий пример победившей крестьянской войны.

5. ШАРИАТ И ТРАДИЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА. ШАМИЛЬ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Долгое время спустя после Шамиля в народной речи его время называлось «временем шариата», а прежнее время - «временем обычаев адата». Действительно, почему главным лозунгом и требованием имамов было «принятие шариата» - ведь ислам уже несколько веков господствовал в Дагестане? Не следует забывать, что в повседневной жизни общества определяющую роль играли традиции (адаты - одно из их проявлений), выраставшие из прошлого и не предполагавшие перемен. Между тем время требовало единства перед лицом опасности, сплочения на основе равенства, сближения с возможными союзниками за пределами Дагестана - все это имамы и их сторонники искали и находили в мусульманском праве. Происходило примерно то же, что и с тарикатом: идеальное равенство в вере понималось как равенство членов мусульманской общины, общеобязательный характер шариатских норм для мусульман и отказ от местных пестрых адатов - как выражение единства горцев, их общественно-политической монолитности, сплочения земель и этносов Дагестана и Чечни в единое сообщество в рамках собственного государства - Имамата, части огромного мусульманского мира. И вместе с тем Шамиль, не дрогнув, «подправлял» отдельные шариатские нормы, если расхождение их с традициями горцев и реальными обстоятельствами, например, от казней и увечий как мер наказания и т.п. Стремление выжить и победить всегда оказывалось выше долга.

В отличие от всех прежних выступлений и от их руководителей, Шамиль оказался первым кому удалось создать государственную систему - Имамат как опорную базу долголетней организованной военной борьбы против огромной империи. Первые ростки этой структуры можно заметить еще в 1837 году, когда в ходе войны и переговоров круг сподвижников Шамиля постепенно превращался в Совет имама; укрепление Ахульго - это создание своего рода столицы-центра будущего государства. Но настоящее госу-

дарство начало формироваться с перенесением столицы в Дарго-Ведено. Территория его охватывала преобладающую часть Внутреннего Дагестана и горную часть Чечни - 900 верст в окружности. Это крупнейшее любого феодального владения в тогдашнем Дагестане.

Первоначально она была разделена на 20 округов-наибств, границы их чаще всего совпадали с традиционными границами горских вольных обществ или владений. В каждый из них имам назначал наиба с административными и военными полномочиями. Общие вопросы политики и управления рассматривались Советом во главе с имамом, которому принадлежало решение. С 1842 г. действует даже система почтовой связи - русские источники называют ее «летучей почтой»: гонец имама или наиба снабжался особым бланком, предъявив его в любом ауле, он получал от его властей свежего коня и проводника до следующего пункта (там повторялось то же), а на ночь - продовольствие и ночлег. С помощью такой «эстафеты» распоряжения и отчеты шли почти непрерывно. Система постепенно усложнялась и совершенствовалась, причем Шамиль учитывал, что для горцев, привыкших к исконной самостоятельности и независимости, непросто принять централизованную государственную власть. Но к централизации вынуждала война, а статус высшего религиозного руководителя позволял имаму добиваться признания своего верховенства.

Шамиль понимал пользу и необходимость создания какого-то свода правил, регламентирующих действия и обязанности властей и обязательных для государства. Мало было сформулировать такие правила - надо было еще найти способ сделать их приемлемыми для горцев, никогда не знавших над собой никакой верховной власти, кроме Аллаха. Но Шамиль хорошо знал свой народ.

По словам Абдурахмана (сына шейха Джамаллудина), вернувшись из похода в Кабарду (1846 г), Шамиль собрал в Анди съезд всех должностных лиц и влиятельных людей Имамата, а затем обратился к ним с предложением избрать имамом человека более достойного и способного чем он - ведь уже более 10 лет он исполняет эту обязанность и сумел добиться неплохих результатов, но борьба будет длиться еще долго... Собранные ответили, что не знают другого

человека, который мог бы руководить делом народа лучше, чем Шамиль. Но тогда они вынуждены были обещать беспрекословно исполнить все, что он найдет нужным для защиты страны. Получив такое заверение, Шамиль предложил письменный свод основных правил, определяющих постоянные обязанности всех военных, гражданских, духовных лиц и ответственность за их нарушение. Таким путем был введен Низам - интереснейший правовой документ, соединение Конституции (договора народа с властью) и Кодекса основных гражданских норм (как бы «дополняющих и примиряющих» адатные и шариатские). Он состоит из 14 статей о военно-административной власти, двух глав о судебной власти и разделе о наказаниях. Заключается все это предписанием имама наибам и текстом обязательства, которое те подписывают, вступая в должность. Низам имеет дополнение: решения Андийского съезда 1847 года. Они существенно совершенствуют систему управления: каждые четыре наибства объединяются в своего рода «губернию» во главе с мудиром; в каждое наибство назначен муфтий, старший из сельских кадиев (причем выделен круг дел, решаемых с участием имама); - разделены власти военно-административная и судебная. Решены вопросы о содержании перебежчиков-солдат и беженцев-мухаджиров, завершено построение финансовой системы, но «байтул-мал» (ведомство казенной собственности), видимо, появилось раньше. Главные доходные статьи бюджета - закят (- 1/10 дохода от хозяйств), харадж (плата за пользование межобщинными горными пастбищами и бывшими ханскими землями), доля от военной добычи. Заметно явное стремление облегчить бремя налогоплательщиков, но эти бюджетные источники довольно скудны, а война требует больших бездоходных затрат, большая часть средств «байтул-мала» идет на войну и войска.

Но войско организовано так, чтобы при минимуме затрат добиться максимальной эффективности. За счет казенных средств содержалась сравнительно небольшая его часть: это отряды, составленные из мухаджиров, а также отряд из перебежчиков-русских, численность которого колебалась от 300 до 800 человек. Мобильной и ударной частью войска была конница, набранная из расчета 1 всадник с каждых

10 дворов - их жители сами решали между собой, кому идти по призыву, а остальные обеспечивали его всем необходимым (вернувшись из похода, он возвращал все владельцам). Число всадников в каждом наибстве было разным, но Шамиль требовал, чтобы каждый наиб постоянно имел не менее 300 готовых конных воинов. Русское командование давало им высокую оценку: «Во время войны они составляют самую надежную и лучшую часть сборищ горцев, держатся с отчаянной решительностью, соблюдают отличную подчиненность. Малое число их опаснее, чем целое скопище горцев» (т.е. ополчение).

Помимо этих постоянных формирований существовало народное ополчение все здоровые мужчины от 15 до 50 лет, которое собиралось для проведения операции и распускалось после ее завершения. Ополчение каждого наибства делилось на полутысячи, сотни, десятки, во главе которых стояли командиры-профессионалы (но каждая десятка возглавлялась чаще всего ее всадником). Такая система давала возможность Шамилю всегда иметь под рукой несколько тысяч готовых всадников, быстро мобилизовать при необходимости десятки тысяч воинов и столь же быстро их распускать. Командиры находились не в лучших условиях, чем простые воины. Русские источники определяют численность этой вооруженной массы до 60 тыс., более осторожные - до 30-40 тыс., хотя ни в одной операции не бывало задействовано более 30 тыс. конных и пеших. Постепенно появилась и собственная артиллерия.

Государственная система имамата совершенствовалась постоянно. Так, мудирь были отменены, как только выяснилось, что везде они оказались соперниками наибов, дублирующими их. Решительно и беспощадно снимались со своих должностей провинившиеся наибы - Низам беспощаден к коррупции.

Поражает эффективность этой системы в тяжелых условиях войны и блокады. Она обеспечивала оперативное управление государством с очень слабыми коммуникациями, достаточное поступление средств на военные нужды, уплату населением налогов, несение военной и трудовой повинности. Самообеспечение, даже минимальное, в таких условиях является бесспорным экономическим успехом.

При этом были еще расселены и обеспечены тысячи мухаджиров и их семей. Были проведены радикальные социальные реформы, достигнута большая социальная однородность общества, налажено социальное обеспечение инвалидов, иждивенцев, сирот, элементарное обучение детей. Была сведена к минимуму кровная месть, упорно достигалось примирение - маслагъат в частых межобщинных земельных спорах. Примечательно, что создавая структуру централизованного государства, Шамиль оставил в неприкосновенности основу горского общества - джамаат, союз сельских общин.

Сегодня любой человек с улицы представляет себе Шамиля прежде всего как выдающегося воина-полководца и имама, - и это конечно, правда. Но не вся правда. Сегодня особенно стоит вспомнить, что это был прекрасный политик и выдающийся государственный деятель. Он сумел создать в горах органичную государственную структуру, не имевшую аналогий в других странах, но прекрасно подходившую к условиям Дагестана. Конечно, сегодня не может быть и речи о ее воскрешении: мы живем в другое время. Но успех Шамиля в подобном деле должен воодушевлять и нынешних политиков.

Сегодня проблемой для нас является создание в Дагестане такой политико-правовой системы, которая, с одной стороны, соответствовала бы сегодняшней реальности с ее интересами (то есть вписывалась бы в условия Российской Федерации), а с другой стороны, соответствовала бы нашим традициям, местным условиям и особенностям. Но ведь сходная проблема стояла и перед Шамилем, и он сумел справиться с нею в гораздо более трудных условиях, чем наши нынешние. Централизованную государственную систему с жесткой регламентацией надо было ввести у народа, никогда не знавшего ничего подобного, шариат - у людей, привыкших руководствоваться обычаями. И притом сделать это так, чтобы народ принял это и остался бы самим собой, не утратив своей исторической и национальной идентичности! Это было под силу человеку-реформатору, в совершенстве знающему дух своего народа и насквозь проникнутым во все особенности его характера. И Шамиль сумел сделать это, да еще в условиях непрерывной войны и блокады.

6. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ ИМАМАТА И ВЛИЯНИЕ ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

В нынешнее время влияние большинства государств, естественно, ограничивается их пределами (если речь не идет о великих державах). Имамат не был великой державой, однако заметно влиял на политическую жизнь за его пределами - вокруг него просматриваются как бы сферы такого влияния: Северо-восточный Кавказ - Кавказский регион - исламские страны, Россия, Европа.

Равнинная Чечня и половина Дагестана лежали за пределами границ Имамата. Тем не менее ни тогда, ни впоследствии никому и в голову не приходило считать на этом основании движение горцев «аваро-чеченским». Примечательно, что в те времена участники движения почти не обращали внимания на национальность: гораздо большее значение имели религиозная принадлежность, затем происхождение региональное и сословное. Примером был сам Шамиль: среди его сподвижников и близких людей люди многих народностей. В сведениях, дошедших от того времени, достаточно много говорится о соперничестве, противостоянии людей, сел и т.п., но ни у противников, ни у сторонников Шамиля нет ни слова о разделении и противоборстве на национальной основе. Более того, отношение имама даже к иноверцам вовсе не было однозначно негативным. Общеизвестно доброе отношение Шамиля к солдатам-перебежчикам. Если они принимали ислам, то между ними и горцами не делалось никакой разницы, но если им хотелось сохранить свою религию, то здесь не было никакого принуждения: в их свободе вблизи Дарго имелась даже церковь, снабжались они из байтул-мала. Шамиль требовал человеческого отношения к пленным, попавшим в чуждые руки. Он был противником напрасного кровопролития; вот отрывок из его инструкции Ахверди-Магоме накануне похода: «когда победите неверных, не убивайте ни стариков, ни женщин, ни детей, не жгите нив, не рубите деревьев, не режьте животных (кроме тех случаев, когда они вам необходимы в пищу), не обманывайте, когда вы находитесь во взаимном перемирии и не нарушайте мир, когда вы заключили его» - так просто изложены принципы гуманиз-

ма в условиях войны - наверное, они годятся на все времена.

Остается только сожалеть, что за минувшие 200 лет мы здесь кое-что утратили. Бурное развитие народностей, их культур и самосознания в XX в. обнаружило и свою обратную сторону: национальные конфликты и обособление не обошли и нашу республику. По-видимому, этноязыковые различия сегодня подчас значат даже больше, чем общность происхождения и единство веры: каждая народность постепенно обзаводится собственным муфтием, и подобного в Дагестане никогда не бывало. Остается только надеяться, что отсутствие «национального вопроса» в Дагестане в его героический период, уверенность тогдашних горцев в том, что принадлежность к человеческому роду сближает всех и наряду с верой, важнее национальных различий - память об этом оставляет нашему времени хотя бы надежду и пример.

Вернемся, однако, к ближайшим соседям Имамата. В Дагестане это были княжества, засулакские владения: Шамхальство Тарковское, ханства Мехтулинское, Казикумухское и Кюринское, бекские владения Кайтага и Табасарана, Султанство Елисуйское. Рядом были земли даргинских вольных обществ Кайтаг-Дарго, Акуша-Дарго и Сирха. Официально все они были под контролем царской администрации, но в вольных обществах он был номинальным, больше похожим на нейтралитет. Недаром в одном из отчетов 40-х годов офицер русской военной администрации пишет: «С нашей стороны было бы ошибкой считать Дарго (Даргинии) покорным нам обществом, а еще больше силою оружия заставить его подчиниться нашим уставам... Если бы в настоящем году Шамиль через своих помощников Кибит-Магомед и Джават-хана успел бы склонить Дарго на свою сторону, то мы бы в Дагестане потеряли все, что до сих приобрели кровавым путем...»

Зато владельцы после Ермолова были лояльны царским властям, содействовали царской армии, служили в ней в офицерских чинах. Мало того, они выставляли вспомогательные отряды - «горскую милицию», действовавшую на

стороне царских войск против Шамиля. Вместе все эти земли - нейтральные и подконтрольные - даже превышали по площади территорию имамата. При этом они сохраняли традиционные границы, самоуправление, унаследованные от предков формы государственности, их населяли такие же горцы... Так что же два Дагестана противостояли один другому? К чести отечественных историков, и дореволюционных и советских, никто не впал в подобное заблуждение (знаю лишь одно исключение). Даже в трудах самых ярых монархистов выразителем политической воли горских народов неизменно выступает все-таки Шамиль. Такая оценка просто лучше согласуется с фактами. Ведь почти каждый рейд мюридов в сопредельные земли получал там широкую поддержку - этого не скажешь о походах царских войск внутрь имамата. Имамат был в блокаде, и тем не менее именно туда бегут сотни, тысячи мухаджиров, чаще с семьями, из сопредельных «открытых» земель, именно там из них образуются целые села - обратное движение из имамата было во много раз слабее. Наконец, все понимали, что Шамиль - самостоятельный, независимый, правитель на его государственную волю влияет народ, между тем как сопредельные владельцы были исполнителями воли имперского правительства - ее источник находился вне Дагестана.

Итак, Имамат во главе с Шамилем был в те годы независимым общедагестанско-чеченским государством - фактом государственности всех горских народов Северовосточного Кавказа, включая тех, кто был лишен возможности выражать свою политическую волю. Да и вряд ли Имамат смог бы продержаться почти 20 лет без этой всесторонней, всеобщей, постоянной поддержки всех горских народов.

7. ШАМИЛЬ И БОРЮЩИЙСЯ ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ И ЕГО ВЛИЯНИЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Сходные причины для выступления против царизма были у горцев Западного Кавказа. 1840 год - вершина их успехов; было захвачено несколько царских укреплений на берегу Черного моря. Примечательно, однако, что именно

в это время возникла идея объединения сил, а затем - стремление ко вхождению в Имамат. Безусловно, черкесы имели своих предводителей и собственные политические традиции, но авторитет Шамиля был настолько высок, что абадзехи послали к нему посольство с просьбой об объединении и присылке наиба - и это несмотря на безуспешность его похода 1846 г. в Кабарду.

Итак, имам не завоевывал иных земель - желавшие вместе бороться за независимость против общего врага сами стремились в Имамат. Несмотря на неудачу двух попыток, политическая связь, наконец, была установлена. Наибом стал наконец, Мухаммед-Амин (на Родине он был известен как Магомед-Ассияло) и блестяще справился со своей задачей. Шамиль не ждал от молодого наиба особых успехов - провожая, советовал надеяться больше всего на помощь Всевышнего. Однако политический опыт Имамата, перенесенный в 1848 г. на землю Западного Кавказа, дал там отличные результаты. Магомед-Амину удалось несколько раз атаковать причерноморское укрепление и правый фланг кордонной линии, удерживал здесь значительные военные силы, однако, сомкнувшись с Чечней, перерезать, по плану Шамиля, Военно-Грузинскую дорогу он так и не смог. Магомед-Амин держался до 1859 г., и только с падением Имамата счел возможным уйти от руководства - дальше движение продолжалось на Западе без него. А на Юге? Кубинское восстание 1837 года, несколько выступлений в Илису и Джаро-Белоканах показывают, что какают вероятность распространения движения в Закавказье все же была. Да и походы Шамиля в 1848 и 1853 годах и в Джаро-Белоканы имели, видимо, цель вовлечь в движение мусульманские земли Закавказья - если бы восстал Азербайджан, то блокада была бы разорвана, открылся бы прямой выход в Турцию, присутствие Российской империи в Закавказье стало бы сомнительным... Однако этого не случилось. Каждый раз движение захватывало лишь земли лезгин, цахуров, аварцев - словом, тех, кто сохранил джамаатский строй - самоуправляемые демократические сельские общины. За пределами их распространения движение как бы «теряло почву». Это обстоятельство помогает понять, почему Шамиль при самых радикальных реформах

сохранял неприкосновенной традиционную горскую общину. Да и сущность движения горцев становится яснее.

8. ОТНОШЕНИЯ ШАМИЛЯ ЗА РУБЕЖОМ И РЕЗОНАНС В МИРЕ

В странах мусульманского Востока о движении горцев не только знали - более 40 лет заметно прямое его влияние на политическую жизнь этого региона. Но проявления его как бы «раздваиваются». Слабеющей Турции все труднее сдерживать давление России в Черноморском бассейне и на Кавказе - здесь воистину проходит ее стратегический рубеж, то и дело он становится настоящим фронтом. Разгоревшееся в «ближнем тылу» этого фронта сильнее долговременное сопротивление, казалось бы, должно быть для Турции «подарком судьбы» - надо лишь уметь им воспользоваться! К тому же восставшие их лидеры упорно ищут союзника (что им остается в условиях блокады?) - они сами предлагают союз и просят о помощи. Поразительно, что все ответные попытки Турции оказались неэффективны, ей всегда не хватает инициативы. Реальная помощь не двинулась дальше эпизодических доставок черкесам по Черному морю боеприпасов, ружей, соли - они так и не превратились в регулярное снабжение. Что же касается Дагестана, то ни одного достоверного известия о доставке сюда хотя бы одного «ствола» из Турции до сих пор не найдено. Крымская война 1853-56 гг. делает возможными совместные действия: русские силы отвлечены с Кавказа, совместный удар на Тифлис десанта Омар-паши и горцев отрезал бы русские войска в Закавказье - тогда они обречены; оба стратегических пути через Кавказ станут для России «дорогами никуда», Дарьял и Дагестан потеряют для нее всякую ценность... Но на этот раз турецкому руководству не хватило понимания ситуации: с горцами попытались разговаривать не как с союзниками, а как с подчиненными. Шамиль в 1853 г. уже захватил Закаталы и продвигался в Кахетию, но получив послание от турок, содержащее «приказ», внезапно повернул свои войска обратно. Вторжение в Кахетию в 1854 г. не продвинулось дальше Цинодал, оно органичилось захватом 22, из княжеского окружения заложников, обмененных впоследствии на Джамалуддина.

Любопытно замечание главнокомандующего Кавказской армии Н.Н.Муравьева: «... горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго... введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль, руководствуясь, быть может, подобными же мыслями, имел к союзникам нового рода едва ли не большее еще отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители-союзники, хотя бы то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности». Итак, ни общая религия, ни общность стратегических интересов не оказались достаточны для этого союза. Что же разделяло стороны? Быть может, глубокая социальная чужеродность: союз вождя освободительного демократического крестьянского движения Шамиля и монарха-деспота, султана при всех условиях не мог быть прочным.

Есть, однако, и другая нить, протянувшаяся из Имамата на Восток. В 1948 году крупнейший востоковед, академик Крачковский писал мне: «Вы много занимались эпохой Шамиля и думаю, что мой вопрос не причинит Вам особого труда. Некоторые алжирские арабисты упоминают о переписке, которую Шамиль вел со знаменитым Абдул-Кадиром алжирским по поводу событий 1860 г. в Дамаске. Мне ничего по этому поводу не попадалось в руки. Я был бы очень благодарен, если бы Вы не отказались сообщить, не встречались ли Вам какие-либо документы по этому поводу и нет ли об этом специальных упоминаний в русской или кавказской литературе. мне стало как-то не по себе, что алжирцы об этом имеют какие-то сведения, а ничего не знаю. Очень обяжете, сообщив Ваше мнение.» К сожалению, единственное известное мне свидетельство знакомства этих двух выдающихся борцов за свободу - это рапорт военного министра Д.Милютин, где упомянуто личное письмо Абдул-Кадир императору Александру II с ходатайством о разрешении Шамилю поездки в Мекку. -Конечно, информация очень скудная. Тем не менее, она не оставляет сомнения в том, что Шамиль и Абдул-Кадир знали друг о друге. Ныне нам становятся доступны хранилища исторических материалов стран Востока. Как знать: не окажется ли, что оба освободительных движения взаимно влияли одно на другое?

Движение горцев оказывало влияние и на политику стран Запада. Обострение «восточного вопроса» вызывало у конкурентов Российской Империи чисто прагматический интерес к упорной вооруженной борьбе на Кавказе. Политики Запада не особенно скрывали, что для них это фактор, затрудняющий и осложняющий конкурента - о каком-то глубоком сочувствии колониальных держав к освободительным устремлениям горцев говорить не приходилось.

Крымская война перевела их усилия в практический план, однако реальная помощь Запада оказалась даже меньше турецкой.

9. ШАМИЛЬ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Не только на политической жизни стран вокруг Кавказа и вдали от него заметно влияние движения горцев. Судя по литературному, научному, публицистическому наследию XIX в., оно на протяжении полувека привлекало живое внимание русского общества, эхо его не утихало и десятилетия спустя...

Однако общества это было неоднородно - соответственно, и восприятие «событий на Кавказе» было очень разным. В материалах, с которыми работает историк, менее всего отражено мнение преобладающей части народа - простых трудовых людей: книг они не писали, в прессе не блистали, девять десятых вообще были неграмотны и вряд ли знали, где находится Кавказ. Судя по сведениям «из вторых рук», для большинства из них война была сродни большому стихийному бедствию - не заметно и следа того подъема, того стремления к личному участию, которые обуревали тех же людей в 1812 г. Если говорить о той небольшой части народа, которую одели в шинели и послали в горы, то свободного выбора у них не было., - связанные жесткой армейской дисциплиной тогдашней армии, они вынуждены были исполнять приказ. Не единицы, а сотни их бежали к Шамилю. Настроения их оставили след лишь в скудных заметках их командиров и в фольклоре Кавказской войны - мы не обнаружили там ни ненависти, ни стремления уничтожить, ни высокомерия и презрения, хотя, конечно, есть там и задор, и похвальба, и использование пришедше-

го из ордынского прошлого эпитета вроде «зол татарин». Но рядом с этим - и уважение к достойному противнику, и способность понять его положение и его мотивы.

Гораздо больше письменных свидетельств об отношении «образованного общества» к событиям на Кавказе. Военная документация не в счет - это отражение «государственной политики иными (военными) средствами», а не общественных настроений, поэтому ее отбросим сразу. Но и оставшаяся масса свидетельств будет весьма неоднородна. Нет нужды здесь подробно характеризовать весь спектр тогдашних мнений - в нашей историографии есть обстоятельные исследования на этот счет, да и сами исторические труды, статьи, мемуары современников войны, доступные нынче читателю. Разнобой этих мнений поразителен: с одной стороны - капитальный труд монархистов-великодержавников Н.Дубровина «История войн и владычества русских на Кавказе» и Р.А.Фадеева «Шестьдесят лет Кавказской войны», мемуары А.П.Ермолова, тенденциозные статьи забытого ныне Вердеревского - с другой стороны; резко противоположные им по оценкам повести А.Бестужева-Марлинского, стихи и поэмы М.Ю.Лермонтова, статьи Н.А.Добролюбова, высказывания Н.Г.Чернышевского, произведения А.Н.Толстого, где однозначно и ясно признается правота дела горцев, сквозит восхищение их борьбой. А между этими крайними «полюсами» - целая лестница мнений. Например, либеральная критика военных и политических действий царизма в докладных записках адмирала Мордвинова, генералов Коцебу, Вольфа, будущего военного министра Милютин и т.п. - упор в них не на социально-этическую оценку происходящего, а на нецелесообразность, ошибочность, разрушительность действий командования и властей: желательность овладения Кавказом не становится ими под сомнение - но предпочтение отдается экономическим, торговым, дипломатическим методам. Порой можно видеть, как противоположные оценки странно соседствуют в одной и той же голове (притом голове неглупой). Едкий прорицательный взгляд Грибоедова на действия Ермолова - «борьба горной и лесной свободы с барабанным «просвещением» - и вдруг его же признание: «имя Ермолова еще ужасает» - и это пока гарантия ста-

бильности на Кавказе! Точно так же и в стихах А.Полежаева: гневные описания жесткости карателей, восхищение мужеством горцев - и рядом слова об их «фанатизме» как о причине войны. Поразительны расхождения в оценках борьбы горцев даже среди передовых людей, связанных воедино и борьбой против самодержавия, и последующей общностью своей судьбы. Вот отрывок из письма декабриста В.С.Норова - бывшего подполковника, разжалованного в рядовые и посланного воевать против горцев: «Я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо. Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением.» К этому близки слова другого сосланного на Кавказ декабриста - Н.И.Лорера: «Огонь и меч не принесут пользы, да и кто нам дал право таким способом вносить «образованность» людям, которые довольствуются своей свободой и собственностью?» Но несколько раньше их товарищ по борьбе П.И.Пестель в своем программном документе ставил целью слить все народности Российской империи в единый русский народ, причем кавказские народности разделял на «мирных», далее следовало, мирных «оставить в их жилищах и дать им российское устройство и правление, а буйных переселить во внутренность России, раздробив их по всем русским властям» (!) - дальше, правда, речь идет об уравнивании в правах всех жителей этих властей. Столь же неоднозначные мнения среди попавших в опалу за близость к декабристам. Н.Н.Раевский возмущен методами царизма на Кавказе - они напоминают ему жесткости испанцев при завоевании Америки: «Дай бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобного тому, который оставили эти завоеватели в истории испанской. «(Изложив все это в докладной записке, он направил ее военному министру - это был, конечно, мужественный поступок).

В поэмах и стихах А.С.Пушкина - сочувственный интерес к горцам, понимание мотивов их борьбы, в его записках о путешествии 1829 г. открыты неприязненные впечатления от личности Ермолова, но вместе с тем сопротивление горцев он расценивает как безнадежное (а еще один «опальный» - П.Х.Граббе - ни стихов, ни аналитических

докладов не писал, он просто проводил один поход за другим против горцев и осаждал Ахульго, видимо, стремясь загладить вину» перед царизмом).

Если же оставить в стороне выдающихся людей XIX в. и обратиться к более широким слоям тогдашнего русского «образованного общества» (особенно провинциального), то разноречивость и неопределенность в оценках еще более возрастут. Одно лишь можно сказать совершенно определенно: ни во время войны, ни после нее в русском обществе не проявлялось никакой неприязни к борющимся горцам. Убедительный тому пример - отношение к Шамилю в годы его пребывания в Калуге и в Киеве и со стороны населения всех сословий. О том же свидетельствуют и годы жизни в России Джамалутдина и Магомед-Шафи. О сочувственном отношении русского населения к ссыльным горцам после восстания 1877г. также есть многочисленные свидетельства.

К сказанному хочу добавить вот что. Когда шла война с горцами, в России о ней говорили разное, и, наверное, громче всех тогда звучало мнение правящих кругов и покорных им «деятелей» - разве могли с ними соперничать оценки передовых людей! Их личные письма читали только адресаты, их официальные докладные записки - только немногие чиновники, даже и их статьи в передовых журналах были доступны лишь тысячам читателей (тираж «Современника» - не более 6.000 экз.), стихи Лермонтова и Полежаева вообще переписывали от руки, «Колокол» Герцена изымался, книга Е.Лачиновой «Проделки на Кавказе» была запрещена цензурой... Словом, голос согласных с правительством легко заглушал все иные мнения. Но вот прошло сто с небольшим лет после окончания Кавказской войны. Кто сейчас помнит публикации Дубровина, Вердеревского, кто знает даже о мнениях Милютина, Коцебу и др.? - только немногие специалисты! Зато имена Бестужева-Марлинского, Пушкина, Лермонтова, Добролюбова, Чернышевского, Толстого известны ныне большинству людей - именно они составляют славу России, представляют ее культуру. Их мнения, их оценки борьбы горцев, едва слышные сто лет назад, сквозь шум официальной прессы сумели преодолеть время и остались для нас голосом

передового русского общества прошлого века. Конечно, тут есть о чем подумать...

10. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ШАМИЛЯ

Борьба горцев оставила глубокий след в военном искусстве. К сожалению, этот вклад до сих пор еще в полной мере не выявлен, не подвергнут анализу и оценке (и это не только мое мнение). Но некоторые его стороны интересны и сейчас. Как известно, российская армия по праву считалась одной из сильнейших в Европе - она доказала это и в 1812-14 гг., и в других войнах. Основа ее успехов - широкий и быстрый маневр крупными соединениями, особенно подходящий для равнин Восточной Европы. Действия в горах (Альпы и т.д) были для нее скорее исключением, причем и там она вела борьбу не с жителями этих гор, а с подобными ей регулярными войсками. Более того, в Закавказье ей удалось провести несколько успешных войн против Ирана и Турции - вероятно, по аналогии с ними тогдашние военачальники рассчитывали на быстрый успех в действиях против горцев.

Однако события не очень скоро показали, что в горных условиях сильные стороны русской армии бесполезны: действия большими массами здесь невозможны, затруднено управление войсками, а еще больше их снабжение. Реально боевые действия вели не полки и дивизии, а мелкие подразделения, вооруженные стрелковым и холодным оружием, иногда пушками сравнительно небольшого калибра - недаром эту войну называют «войной рот». В таких условиях успех определяет индивидуальная подготовка и инициативность бойца, его личное оружие и снаряжение, его адаптация, приспособленность к реальным условиям. По всем этим качествам воин-горец превосходил русского солдата, особенно в первые десятилетия войны. Дело, видимо, в том, что здесь столкнулись два противоположных подхода к военному искусству, и столкнулись не в первый раз.

Итак, выходит, что европейская военная доктрина (к которой примкнуло и русское военное искусство с XVIII в.) рассматривает бойца как элементарную, дисциплиниро-

ванную частичку единого большого армейского механизма, для которой главная добродетель - беспрекословное повиновение команде, готовность к точному исполнению ожидаемого приказа - как видим, это сильно ослабляет инициативу бойца, а подготовка его в таких условиях неизбежно односторонняя. Но все это возмещается совершенством и управляемостью огромного армейского механизма - если, конечно, можно использовать его целиком.

Принципиально противоположна этому горская военная традиция, выработанная обществом, никогда не знавшая централизованной верховной власти. В своей жизни горец, как и его отцы и деды, привык справляться с трудностями своими силами, не ожидая ни поддержки, ни руководства извне, только с помощью знакомых подручных средств, наилучшим образом приспособленным к условиям. Точно также, полагаясь, прежде всего на себя, подходил он к войне. Суровая жизнь закаляла и развивала его физически, необходимость самому защищать свои интересы приучала ко владению оружием, к действиям одиночным или в составе малых групп, к самостоятельному принятию решений - стоит ли говорить, что к горной среде он приспособлен идеально, начиная от жизненных навыков и знания местности и кончая одеждой и снаряжением.

Интересно взглянуть, как выглядел дагестанский горец в глазах своих противников - вот воспоминания командира 79 пехотного Кюринского полка, полковника Казбека, участника войны: «Дагестан - страна голых скал, без корма для лошадей и часто без воды для людей. Заняв командную высоту, здесь вы господствуете над местностью, видите все подступы, заняв позицию и засев за завал, горсть людей может угрожать наступающим. Здесь вы видите противника, можете оценить его силы и сообразно с обстоятельствами комбинировать свои маневры; здесь все элементы боя - командование, совокупное движение, расчет времени - возможны. Оборона значительно преобладает над атакой, зато занятое легче удерживается. Населенные пункты в Дагестане, сообразно со средствами страны, построены из камня, и потому каждый аул есть укрепление, которое можно взять только штурмом, и притом с большими жертвами. Характер дагестанца отвечает угрюмой природе его

страны: он сосредоточен, упорен, тяжел на подъем. Бедность природы и ограниченность мест, годных для поселения, заставляют дагестанца дорожить клочком земли; разорение его жилища равняется отнятию у него всего, что у него есть и что он может найти с большим и долговременным трудом. От этого он не легко рискует жертвовать своим жилищем и потому упорно защищает его. Вследствие всего сказанного, упорная борьба, оборона, и, главное, у себя дома - специальность дагестанца. От этого же дагестанец развил искусство готовить позиции в фортификационном смысле.»

Что касается оружия, то и здесь горцы превосходили солдат, особенно в первые десятилетия. У горцев преобладали нарезные винтовки, большей частью сделанные местными мастерами - они по всем показателям превосходили фабричные гладкоствольные ружья солдат (подобно тому как и сегодня... «лабораторное» изделие всегда лучше «серийного»), - в русской армии винтовки имелись лишь в егерских частях (не поголовно), затем ими стали вооружать унтер-офицеров. Лишь после Крымской войны винтовки получили в армии массовое распространение, что сразу же отразилось на ходе боевых действий. Превосходство же кавказского холодного оружия самоочевидно.

Русская армия неизмеримо превосходила горцев в артиллерии. Однако в горах она вовсе не была «Богом войны», решающим исход сражений - туда ее трудно было доставлять. Так, генерал Граббе вышел на Ахульго (1839), имея всего 4 пушки, стреляющие ядрами весом в 4кг, и столько же под ядра 2,5 кг, потом ему пришлось дожидаться присылки мортир. Разборных горных пушек, перевозимых вьюками, у него было также 4 - при этом он считает наиболее нужными «горные единороги 10-линейного калибра», то есть разборные пушки с дюймовым (2,5 см) калибром ствола!

Интересно, что именно такие пушки стали изготавливать, начиная с 40-х годов XIX века мастера Шамиля (до этого он обходился русскими трофейными пушками). Были примеры успешного применения Шамилем артиллерии, особенно в Чечне. Иными словами, русская армия превосходила горцев как раз в тех калибрах, которые труднее

всего применять в горах - горцы же старались обзавестись именно мобильной горной артиллерией. Тактические и стратегические приемы горцев гораздо лучше соответствовали характеру войны: их небольшие отряды не требовали громоздкой «службы тыла», не были привязаны к базам и дорогам. Они были неизмеримо более подвижны, при необходимости быстро собирались в соединения в несколько тысяч и столь же быстро рассыпались, уходя из-под удара. Широко использовались все преимущества, которые дает закрытая местность (в особенности горно-лесная) для обороняющихся - засады, внезапность и т.п. Многократно и успешно применялся стратегический прием, делавший бесполезными глубокие вторжения крупных русских сил: спокойно пропустив такую многотысячную колонну с артиллерией и обозами в глубь гор, ограничиваясь при этом лишь слежением и мелкими частыми нападениями, горцы отслеживали момент, когда ее наступательный порыв «выдыхался» - тогда путь ее отступления перекрывался многочисленными завалами, на нее «наседали» множеством мелких атакующих групп и непрерывным обстрелом. Не имея другого выхода, колонна окончательно изматывала себя преодолением завалов - обычно потери были огромны, возвращались потерявшие боеспособность остатки. Особенно удачный пример этой стратегии - разгром соединений наместника на Кавказе князя М.С.Воронцова у Дарго-Ведено, однако тот же прием применялся и раньше, и много позже этой злосчастной «сухарной экспедиции» 1845г.

Но при необходимости горцы под руководством Шамиля и его набобов прекрасно справлялись и с позиционной войной, - часто с помощью своеобразных типов укреплений. При этом их «военные инженеры» (вроде Хаджи-Юсуфа и др.) никогда не пытались «преобразовать» местность соответственно своим идеальным замыслам - они использовали особенности местности, слегка «подправляя» позицию. Традиционные для горных аулов недоступность положения, «сомкнутая» застройка околиц и т.п. при минимальном «дополнении» позволяли превратить их в настоящие крепости с проходами-тоннелями, крышами-«ловушками». Наиболее важные точки укреплялись башнями. Наряду с завалами широко применялись траншеи, в

том числе и перекрытые сверху (блиндированные) обратный бруствер - он сбивал с толку русских артиллеристов, заставляя стрелять за окоп и стрелков, скрадывая своим фоном обороняющихся. Европейские полевые укрепления в те времена возвышались над поверхностью - горские уходили в землю. По-видимому, эти приемы горской позиционной войны были весьма эффективны - прослуживший 25 лет в Кавказском корпусе А.А.Зиссерман на основе личного опыта, с большой самоиронией вспоминал: «К чему же привели двухлетние кровавые усилия взять Гергебиль? Не успели наши отряды уйти оттуда, как Шамиль тут же построил новое, более сильное укрепление Уллу-Кала (Кикуни), которое мы уже не пошли брать. Мы взяли в 1847 г. с большими жертвами Салты, но это не продвинуло нас ни шаг к покорению Дагестана... В следующем же году после Гергебиля мы пошли брать соседнее укрепление Чох, но невзирая на большие средства, взять его не смогли, а затем отказались не только от Чоха, но и вообще от этих овладений Шамилевскими крепостями, убедившись в совершенной бесплодности жертв на это дело. Камня, рабочих рук и крепких позиций в Дагестане было достаточно: Шамиль мог каждый год возводить новые укрепления, с удовольствием привлекая к ним наши силы...»

Как видно, автор этих строк не только высоко оценивает фортификационные приемы горцев, но и стремится извлечь какой-то опыт для себя. Действительно, Кавказская война много дала русскому военному искусству, а через него повлияла и на мировую военную мысль, иногда опережая ее. Воюя с горцами, русские солдаты и офицеры поневоле перенимали их приемы ведения войны, их снаряжение - как писали впоследствии участники, в этих войсках сложился своего рода «неписанный устав», сильно отличавшийся от Устава 1830 г. Судя по инспекторским отчетам, в 40-х годах солдаты почти поголовно были в папахах (летом в фуражках), исчезли белые португезы и подсумки, все старались обзавестись кавказским оружием, офицеры были в бурках. При движениях подразделений по местности «стихийно» появилось боевое охранение, сами собой отмерли боевые прежние порядки и построения - зато появились новые. Самостоятельность решений, инициатива

мало-помалу стали отличительным признаком солдат и обер-офицеров «кавказских» частей русской армии. Из них вышли многие видные русские военачальники - Милютин, Пассек, Евдокимов, Кауфман, Тотлебен. Последний как раз участвовал в осаде Гергебиля - позже он использовал этот опыт при обороне Севастополя в 1854-55 гг., где он руководил всей военно-инженерной частью. Вероятно, из кавказского военного опыта пришли в практику русской армии ложемент (окоп), крытая траншея (блиндаж), маскировка, применение к местности, тактика горно-лесного боя - остается только сожалеть, что наши военные историки до сих пор слабо затронули этот вопрос. Подчеркнем лишь, что в иностранных армиях все эти «новшества» появились лишь после англо-бурской войны, а утвердились лишь в ходе I мировой войны. Герой Отечественной войны 1812 г. генерал А.П.Ермолов тоже подметил значение опыта на страницах военной истории: «Кавказ давно уже считается боевой школой, из которой вышли такие, которые успели с честью заявить о себе не в одной России, но и перед лицом всей Европы.»

Любопытно, что этот боевой опыт прежде всего усваивался солдатами и младшими офицерами - далеко не сразу он усваивался «наверху», на уровне командующих флангами и Кавказским корпусом: те мало по-малу приходили к выводу о непригодности стратегии глубоких вторжений с надеждой на «генеральное сражение», которое сломит сопротивление горцев Шамиля - появилась идея постепенного, систематического «освоения» горных земель путем прокладки просек, дорог, крепостей, проведения кордонных линий. Позже мы увидим, как линии становились границами областей, военные дороги - торговыми путями, крепости - городами, места дислокации войск - рынками. Эту эволюцию можно заметить и у А.П.Ермолова, и у Клюки фон Клюгенау, и у М.С. Воронцова (впрочем, П.Х. Граббе так и остался сторонником стратегии «набегов»). Но вот что удивляет: обычно, как только очередной командующий с трудом, на основе личного опыта приходил к новым стратегическим идеям, - его снимали с должности и заменяли следующим, который проделывал тот же путь развития, с тем же финалом! За время Кавказской войны

сменилось 8 командующих Отдельным Кавказским корпусом (из них 6 - за период руководства Шамиля). Случайность ли это? Убедительного объяснения я до сих пор не встречал.

В свою очередь, и горцы многое восприняли от своего противника. Сюда надо отнести относительно быстрое развитие артиллерии, использование перебежчиков и пленных в качестве военных специалистов. Есть сведения и о попытках Шамиля создать строевые пехотные части - об их применении вблизи Шали в апреле 1846 г. есть свидетельства русских офицеров, которые были «безмерно удивлены», увидев горскую пехоту, наступающую правильными построениями, с авангардом и боковыми охранениями - их сначала приняли за подразделения фон Фрейтага! Эксперимент этот не получил развития, так как в ходе войны обозначился перелом. О Шамиле-полководце и военачальнике говорили многие, и тут трудно что-то добавить. Его военный талант, проверенный на практике, признавали и друзья, и враги. В этом таланте просматриваются прекрасное знание военных традиций горцев, знание театра военных действий и населяющих его людей, готовность и способность учиться у противника.

11 ШТУРМ ГУНИБА И ПЛЕН ШАМИЛЯ

Пока шла Крымская война (1853-1856гг.) на Кавказе наступило относительно «затишье», русские перешли к обороне - а для Шамиля, напротив, открылась возможность для наступательных действий. Но 1856г. развязал руки русскому командованию на Кавказе: теперь можно было сосредоточить здесь все усилия, перебросить сюда высвободившиеся войска из Закавказья и Крыма. Главнокомандующим стал князь А.И.Барятинский - шестой по счету с тех пор, как Шамиль возглавил движение. Он сразу использовал новые возможности. Как писал потом его биограф, «он ясно определил цель... убедил в необходимости пожертвовать большими средствами в течение нескольких лет, чем расходувать хоть и меньшие, но бесконечно.» Перевес сил, перевооружение армии нарезным оружием позволили Барятинскому перейти в наступление. Оно велось концентри-

чески, по трем главным направлениям: в глубь Чечни по Аргуну, в глубь Дагестана через Салатавию и Гумбет, вниз по Аварскому Койсу. Ничего похожего на скоропалительные экспедиции-набеги времен генералов Граббе и Воронцова - войска продвигались медленно закрепляясь. Обстановка для Шамиля складывалась неблагоприятно. Шамиль прилагал усилия для мобилизации сил отпора противнику. В 1857 г. на собрании в Хунзахе он отдал следующий приказ: «Имам приказывает наибам приготовиться к войне... назначает каждого из них занять горные крепости и стать для защиты границ; он приказывает им стоять твердо, как камни, перевезти семейства свои и имущества в места защищаемые, чтобы сердце было спокойно, днем и ночью находится вблизи неверных, устрашать их и стрелять; отсекают головы тем, кто кои выскажут радость при появлении неверных; он приказывает наибам и кадиям искренно покаяться, оставить все непозволительное и заниматься своим делом, поучая и наставляя народ.» Войска упорно наступали, шли непрерывные бои, шамилевским воинам приходилось сдавать одну позицию за другой. К 1857 г. русским войскам удалось овладеть Салатавией, в 1858 г. занять Аргунское ущелье и Шатой, в апреле 1859 г. овладеть Дарго-Ведено. Летом ближайший сподвижник Шамиля Даниял-султан сдал Ириб генералу Л.И.Меликову, одновременно генерал А.Е.Врангель прошел из Буртуная через Гумбет в Андию - туда же вышел из Ичкерии сам князь Барятинский. Соединившись, войска двинулись вниз по долине Койсу, через Чирката и Унцукуль на Хунзах - оттуда через Голотоль и Куяду к Гунибу. За 9 дней до его падения Кибит-Магома (сподвижник Шамиля) сдал Телетль и явился к Барятинскому. Гуниб был окружен 16-тыс. силами, установленные на Кегерских высотах. 14 орудий доставали своим огнем до Гунибского плато. На нем укрепился Шамиль с несколькими сотнями мюридов и четырьмя пушками (в донесении царю Барятинский говорит о 400). В любом случае и в самом Гунибе и вокруг Гуниба имелся многократный перевес был на стороне царских войск. Восточный склон Гуниба был более пологим, поэтому Шамиль «искусно укрепил» эту сторону каменными завалами и кладками, а также взорвал тропинки на Хин-

дах и Ругуджу. Дважды стороны начинали переговоры (15-17 и 19-23 августа) об условиях прекращения военных действий - оба раза они прерывались безрезультатно. Осаждавшиеся расположились четырьмя группами, блокировав пространство в 13 верст в поперечнике (периметр 45-50 верст). Оперативное командование было поручено генерал-майору Кесслеру. Тот понимал, что осажденные ждут атаки с более доступной восточной стороны, а потому велел продемонстрировать здесь подготовку штурма, усилив группы северную (5 бат. пехоты, 7 сотен иррегулярной дагестанской конницы, командир - генерал-майор князь Тархан-Моуравов) и южную (5 бат. пехоты, командир - полковник Тергукасов). Что касается Барятинского, то он «осуществлял общее руководство», да и прибыл он сюда лишь 18 августа, когда шел уже 8-й день блокады. К слову сказать, в поведении командования явно заметно угодничество - все было заранее подготовлено к приезду «высшего начальства», которому должны были достаться лавры «победителя Шамиля», хотя все его участие сводилось к роли почетного зрителя. Его сопровождал знаменитый по покорению Чечни генерал Н.И.Евдокимов -заметно, как того старались держать, подальше от войск, на правах «почетного гостя», чтобы потом князю не пришлось делиться с ним славой (между тем боевой опыт в Чечне Евдокимова мог бы здесь и пригодится.)

24 августа активизировалась восточная группа осаждающих, отвлекая на себя внимание мюридов. Но около 2 часов. ночи, воспользовавшись обычным в этих местах туманом, 130 добровольцев (солдат Апшеронского полка во главе с капитаном Скворцовым) с веревками, крючьями, лестницами, без сапог полезли по южному оголенному склону, пользуясь длинной и широкой трещиной. Почти одновременно то же самое творилось на северном склоне: Тархан-Моуравов организовал отвлекающий демонстративный «штурм» - горцы тут же ответили им потоком камней. Между тем далеко слева о него, скрытно, на Гуниб карабкались две колонны осаждавших. Через час-полтора они неожиданно высыпали на край плато, принудив защитников отступить к Верхнему Гунибу. На юге дело обернулось хуже: солдаты были обнаружены на середине обрыва

и обстреляны, не обошлось без жертв. Однако немногочисленное охранение горцев (по воспоминаниям участника - всего 19 человек, из них 3 женщины) не смогло задержать штурмующих: отстреливаясь до последнего, они вступили в рукопашную и бились до конца. На подкрепление им было нечего надеяться, так как под угрозой был уже центр обороны - аул Верхний Гуниб. Тархан-Моуравов, развивая свой успех, быстро переправил наверх гренадерский батальон и бросил его в тыл защитникам восточного склона (ввиду его доступности горцы сосредоточили здесь больше бойцов), чтобы отрезать их от аула; остальные подходившие снизу подразделения он направлял на окружение аула. Все же около сотни отступавших с восточного склона смогли прорваться к лесистым холмам выше дороги - туда же тянулись отступавшие с юга. Между тем по этому склону уже поднимались 2 батальона Ширванского полка с 4 пушками. Засевшие на холмах открыли по ним частую стрельбу - на стрелявших были брошены две роты, к тому же в тыл им заходила последняя, западная группа от осаждавших (2 батальона). И горцы поднялись в последнюю атаку, действуя только холодным оружием - они были оттеснены к ручью и все погибли.

Уцелевшие защитники во главе с Шамилем укрепились в ауле. К этому моменту на плато было уже 10 тыс. русских войск. Осадили аул, изготовившись к штурму. Однако Бяратинский медлил - ему во что бы то ни стало хотелось взять Шамиля живым. Наконец, из аула вышел парламентар - начались долгие переговоры, князь настаивал на безоговорочной капитуляции, гарантируя жизнь Шамилю и его близким, амнистию всем остальным. Не принять эти условия означало обречь на штурм и гибель последний аул, оставшийся до конца верным имаму, и 700 его жителей. Большинство близких Шамиля склонялось к тому, что в таких обстоятельствах нет иного выхода. В таких ситуациях становится заметной роль посредника, которому доверяют обе стороны - Шамиль указал на полковника Лазарева. Явившись к имаму как представитель русского командующего, Лазарев сказал: «Шамиль! Всеми миру известно о твоих подвигах, и слава их никогда не померкнет, если ты, покоряясь силе судьбы, выйдешь сего дня к главнокоман-

дующему и предашься великодушию императора, чем спасешь от гибели тысячу человек, оставшихся тебе верными...» Шамиль готов был согласиться с этим предложением, но он опасался обмана со стороны противника, тем более что эти подозрения разделяли многие его соратники. Любая мелочь могла обрести неожиданный смысл и толкнуть осужденных к отчаянным действиям. Наконец, Шамиль решил отправиться к Бяратинскому, но рядом с ним были Лазарев и наиб Юнус Чиркейский, а вокруг 40-60 преданных мюридов с оружием наготове. Едва выехав, Шамиль вдруг повернул коня назад - он заметил, что в рядах осаждавших находятся всадники иррегулярной местной милиции, которых он считал изменниками (а это хуже врага) - командование пришлось удалить их рядов войск, спрятав на заднем плане. Поколебавшись, имам продолжил свой путь - но как только его конь выдвинулся из толпы вперед, и солдаты увидели его, грянуло десятитысячное «ура!» Этот крик был хорошо знаком Шамилю - он часто слышал его на поле боя. Что это - сигнал к атаке? Маленький отряд инстинктивно изготовился к бою, и неизвестно, чем бы все это кончилось... но находчивый Лазарев успел крикнуть, что русские войска приветствуют имама по приказанию князя (позже мюриды признались, что услышав «ура!», хотели тут же убить Лазарева и быстро занять позицию в ауле. В ста шагах от князя мюриды остановились, Шамиль с двумя спутниками приблизился к наместнику Кавказа, князю, спешился и подошел, остановившись в 6 шагах. Граф Акулов А.В., адъютант князя Бяратинского, так описывает имама: «Лицо у него прекрасное. Рост мужественный, большая борода; он был в зеленом и большой белой чалме с хвостом. Лицо было очень бледно, губы его дрожали, но голос был тверд...» Что же сказал имам князю? Тут свидетельства очевидцев противоречивы. Сходятся в том, что Шамиль был взволнован и говорил не очень складно (что ж, это можно понять, что он припомнил князю прежние обманы на переговорах, допускавшиеся русскими, и это понятно - вспомним 1839 г. и эпизод с его сыном Джамалудином). «Торжественно и странно было слышать этот разговор, иногда дерзкий со стороны Шамиля» - добавляет адъютант граф Орлов-Давыдов. Другой

адъютант, Зиссерман, разочарован тем, что Шамиль не произнес какого-нибудь исторического афоризма, «достойного его ума, его трагического величия.» Он просто упрекнул русских за прежние обманы и попытался объяснить свой вынужденный поступок: «как и мед, если его часто употреблять, надоедает, так и все на свете надоедает, и ему надоели тридцать лет войны...» (и это понятно, тем более что война не мед). Но интересна запись слов Шамиля еще у одного свидетеля: «Я - просто уздень, тридцать лет боровшийся за веру и свободу моего края, но теперь наибы мои разбежались, мне изменили все, да и сам я уже стар - мне 63 года...» Этим эпизодом в 16 часов 25 августа 1859 года окончилась 42-летняя военная борьба на Север-Восточном Кавказе. Борьба породила своих героев и среди горцев, и среди русских, ставших эталоном боевого мужества, свои этические нормы, содействовавшие сближению народов.

Все - и горцы, и русские от руководителя до самых простых людей - одинаково чувствовали историчность этого момента. Как знать, быть может, это общее переживание облегчило последующее взаимопонимание. Когда спустя 30 лет постаревшие участники войны соорудили каменную беседку в березовой роще в Верхнем Гунибе над местом встречи вождя горцев имама Шамиля и главнокомандующего русской армией на Кавказе, все относились к ней как к памятнику о великом событии, а не как к бахвальству победителей. Разве случайность то, что ни во время гражданской войны, ни в годы «идеологического» вандализма беседку не трогали (сняли только шар с двуглавыми орлами), хотя вроде бы тогдашние люди не уступали нынешним ни в патриотизме, ни в гордости, ни в национальных чувствах... Развалили ее уже во времена «перестройки». Почему же раньше не трогали? Наверное, в душе тогдашних людей было еще «что-то», что утратило нынешнее поколение. Как это «что-то» называется - пусть каждый решит сам...

Кавказские командование выполнило свое обещание. Шамиль и его семья были вывезены в Калугу. Жителей Верхнего Гуниба переселили в Аркас и близлежащие аулы. Мюридов Шамиля не преследовали (даже русские

дезертиры были амнистированы). Некоторые из набобов были оставлены на своих должностях.

Трудно сказать однозначно, почему царизм так лояльно обошелся со своим врагом, четверть века руководившим военным сопротивлением горцев. Доныне высказываются разные предположения, часто маловероятные. Например, «боязнь мирового общественного мнения» - такое «объяснение» создает больше вопросов, чем решает: ведь предыдущие 42 года царизм не обращал на него внимания - почему же тут вдруг о нем вспомнил? И как тогда объяснить свободный отпуск в Турцию сына Шамиля Газимагомеда с семьей? Принятие на привилегированную военную службу другого сына Магомеда-Шафи? А амнистирование участников движения - разве за них это «общественное мнение» заступалось? Видимо, отчасти это объяснялось более мягкими нравами: например, пленных размещали не в тюрьмах или лагерях, а иногда держали либо в казармах, либо в квартирах жителей и т.д. Еще более определенный свет проливает на это одна фраза из письма наместника Кавказа Барятинского: «Нам нужен он живой, сдавшийся - убиенный он послужил бы предметом вечного поклонения, создалась бы легенда о нем.» По этой причине не могу согласиться с мнением некоторых о том, что «Шамиль умер на Гунибе» - а тот старик, который жил в Калуге и Киеве, был лишь бледной тенью самого себя, потерявший всякое значение. Нет, это не так: вспомним хотя бы, как затягивал царизм выполнение единственной просьбы Шамиля - отпустить его в хадж. В тайной деловой переписке это мотивировалось, что на Кавказе неспокойно, и появление Шамиля в Турции среди многотысячной горской эмиграции может иметь непредсказуемые последствия. А наблюдение явное и тайное? В первые годы ссылки держали при Шамиле пристава. Когда в 1866 г. Шамиль принес присягу, он по закону перестал быть военнопленным и превратился в подданного (об этом прямо пишут чиновники) - тем не менее тайное наблюдение было даже усилено. Людей с Кавказа к Шамилю пропускали только по разрешению властей, таких случаев единицы. Разве все это не свидетельствует о том, что Шамиль сохранил свой огромный авторитет? Надежды Барятинского на моральное поражение

ние имама очевидно не сбылись. Шамиль еще долго оставался опасным для империи.

Интересна еще одна сторона: многое в поведении, действиях Шамиля в 1834-1859 гг. было обусловлено долгом имама. Положение обязывало его быть суровым, наказывать виновных (а подчас и невиновных), принуждать и командовать. Потеряв вместе со своей свободой и свои обязанности, Шамиль - как это ни странно - больше проявляется с чисто человеческой, личностной стороны. И тогда стало видно, что это очень умный, приятный в общении человек, умеющий даже в положении пленного, в окружении врагов утвердить свое достоинство - именно в эти годы судьба доставляет ему встречаться то с Барятинским, то с Ермоловым, то с самим царем. Шамиль всегда держится безупречно. Он аскетично скромно. Очевидцы пишут о десяти арбах с имуществом, которые следовали за ним с Гуниба - но вместе с ним в ссылку шли 12 его близких. Когда же в Темир-Хан-Шуре разобрались с имуществом, то оказалось, что кроме одежды Шамилю принадлежит лишь 5 выючных сумок с книгами - итог 25-летнего пребывания на посту правителя! Живя в Калуге с большой семьей и домочадцами, он всегда ответственность за всех этих людей считал зависящей от него. На них собственно, и расходовались те средства, которые отпускала казна Шамилю в годы плена. Свообразным жестом царизма была оплата им расходов по поездке Шамиля с семьей в Мекку! И присвоение ему с его потомством русского дворянства! - так, в доступной ему форме царь выразил признание исторического места своего знаменитого врага.

Шамиль отбыл в хадж из Одессы в мае 1869 г. В Турции он был встречен восторженно. По пути в Мекку, застав торжества на Суэцком канале, он встретился там с человеком близким ему по судьбе и по идеалам - это был ссыльный Абд эль-Кадер - вождь освободительной борьбы алжирцев и марокканцев. Рескрипт о дворянстве был подписан Александром II, когда Шамиль достиг Хиджаза - этот документ догнал его (Шамиля) в марте 1871 года, когда он был уже при смерти.

В наши дни уместно вспомнить о сохранившемся до наших дней во многих копиях тексте, известном в народе

как Завещание Шамиля: «Любите свободу как мать родную, и жизнь ваша будет вечно прекрасной. Пусть золото и богатство не манят вас, побольше любите ущелья гор седых. Боритесь за свободу, защищайте ее. Без нее для вас, бедных горцев, нет жизни...»

12. ПОСЛЕДСТВИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Каковы основные причины того, что после сорока лет героического сопротивления движение горцев пошло на спад, и, наконец, потерпело военное поражение?

Для современных историков они очевидны. Первая - это очевидное неравенство сил и ресурсов Шамилевского маленького Имамата и огромной Российской империи. Неся какие угодно потери, царская армия легко восполняла их, ресурсы империи были практически неисчерпаемы, само собою понятно, что людские и материальные ресурсы маленького горного государства в 900 верст по окружности были весьма ограничены, и остается лишь удивляться, что их хватило более чем на сорок лет борьбы.

Вторая причина - несомненная способность тогдашней России дать перспективу для исторического развития в своем составе горным землям Северного Кавказа: выгоды экономических и других связей с нею были очевидны даже для самых ярых врагов царской власти, и в первую очередь для имама.

Того же нельзя сказать о небольшом блокированном Имамате. Заметим, кстати, что этой бесперспективностью в значительной мере объясняются и злоупотребления должностных лиц Имамата, приведшие к обострению внутренних социальных противоречий и колебания в среде его населения, особенно в последний период войны. Образно говоря, царизм победил не только пулями и ядрами, но и массой необходимых и дешевых товаров, предоставлением возможности более обеспеченной, разнообразной, содержательной жизни населения в покоренной части Дагестана.

Третья причина - способность русской армии и администрации к накоплению и применению опыта (т.е. к «самообучению»). Многочисленные неудачи заставляли менять тактику и стратегию, вооружение и оснащение, создавать

инфраструктуру войны и управления (строительство просеки, дорожная сеть, мосты, целая система крепостей, более эффективные формы управления, учет традиции и особенностей страны и т.п.). Сюда же можно отнести и перевооружение армии, и новые способы войны при князе Барятинском.

Интересен, однако, и взгляд самих участников войны на причины военного поражения Шамиля. Вот слова Гаджи-Али, долгие годы стоявшего рядом с имамом у руководства движением, одного из немногих, кто остался верен Шамилю до конца: «Власть Шамиля была уничтожена коварством и изменой набов и его приближенных, русским войском и золотом.» Как видим, оценка эта не противоречит нынешней, хотя и не полностью совпадает с нею.

✓ Однако вопрос о последствиях Кавказской войны никак нельзя вести к одному только факту прекращения или военной борьбе в 1859 и 1864 гг. Вне сомнения, обе стороны показали себя в этой борьбе достойными противниками, обе взаимно признавали и беспримерную отвагу и стойкость горцев, и мужественное упорство русских солдат. В XIX в. такие оценки выглядели как естественная справедливость, как признание факта - видимо, тогда людская мораль была несколько другой - более привычное для нас сплошное охаивание противника вплоть до непризнания за ним человеческих качеств - это уже достояние нашего, XX в., отсутствующее в мемуарах участников войны - русских и горцев.

Военное поражение горцев налицо - но было ли оно их историческим поражением? Обратимся к фактам. Да, потери горцев были огромны, разрушения катастрофичны. Но в ходе этой упорной многолетней борьбы дагестанцы, как никогда прежде, ощутили себя единым народом с общей исторической судьбой, с большим духовными ценностями, живущими в общем доме - Дагестане. Это было настоящее обретение, осознание себя. Своей борьбой они добились от империи сохранения своих традиционных форм общественной жизни - общинного (джамаатского) самоуправления, адатного и шариатского права вместо имперских законов, исконных форм делопроизводства на арабском языке, традиционных форм начального образования, свобо-

ды исповедания ислама, свободы от воинской повинности, почти символического размера казенного налога в несколько раз меньше того, что платят крестьяне («имперской» нации). После присоединения Дагестан вступает в Российскую школу истории, культуры и общественных движений.

Все это было закреплено в системе «военно-народного управления», охватывавшей горную часть Дагестана и другие населенные горцами земли Кавказа. Этим власти признали необходимость считаться со своеобразием страны, с особенностями и историческим наследием ее народов. Почти ни один народ, включенный в состав Российской империи «мирным путем, не имел подобных прав. Это означает, что горцы не получили их в подарок, а завоевали в ходе отчаянной полувековой борьбы. Так можно ли после этого считать эту борьбу «напрасной», а итог ее - безусловным поражением? Вряд ли можно вообще выразить исторический итог Кавказской войны в слишком уж простых терминах «победы» и «поражения». С историческими фактами лучше согласуется понятие компромисса, естественно и постепенно сложившегося между обеими сторонами конфликта к их общей пользе. Лишившись возможности создать свое многонациональное государство Имамат, горцы сумели добиться приемлемого места в системе «универсального государства» Российской империи. На взаимное приспособление пришлось затратить немало сил, дело шло не гладко (вспомним, что после «длинного газавата» 1828-1859 гг. был «короткий газават» 1877-78 гг.) - зато не безрезультатно: в составе России перед Дагестаном открылась новая перспектива исторического развития. Недаром в народной памяти время конца XIX в. осталось как наиболее спокойное и благополучное. Более того, через посредничество России стали возможны контакты горцев с новым для них миром - западной цивилизацией.

Отмечая 200-летие со дня рождения имама Шамиля - героического сына и выдающегося патриота дагестанских народов на мой взгляд историка, это мероприятие оправдает себя лишь тем, что заставит многих из нас задуматься над нашим прошлым, примерить его уроки к нынешнему дню.

Что же из наследия тех дней ближе к нашим сегодняшним проблемам? Полувековая военная борьба кажется мне скорее предостережением, чем образцом - примером решения разногласий - вспомним слова Шамиля о том, что даже мед надоеет за тридцать лет, а ведь война - не мед. Самоизоляция в пределах малого (зато своего) государства сегодня выглядит как исторический тупик и к тому же опасный шаг к дальнейшему дроблению...

Бесспорно, что ход объективных исторических событий 140 лет тому назад привел нас в политическую систему Российского государства, а борьба Шамиля позволила сделать это на достойных условиях - дважды показывал он, что не отрицает такую возможность в принципе - все дело в учете интересов горцев. На выработку нашего исторического компромисса было затрачено много крови, сил и времени - неужели все это было напрасно, и почему мы должны теперь отказаться от результатов? За 140 лет наше сотрудничество и существование с Россией стало органичным - возможно ли теперь без утрат нарушить его? Да и зачем это делать? Мне не кажется, что наш 140-летний союз уже исчерпал свои полезные возможности, не вижу также и альтернатив ему. Даже сорокалетняя война окончилась миром и сотрудничеством - не вечна и нынешняя разруха. Будем же достойны своих предков, - сохраним плоды их долгих усилий на общую пользу всех народов общего Российского государства.

У ИСТОКОВ ИМАМАТА

Общезвестно, что в периоды общественных потрясений резко возрастает широкий интерес к истории. Наверное, это справедливо и в отношении нашего общества. Иначе чем еще можно объяснить, что дата рождения человека, погибшего более 160 лет тому назад, привлекла особое внимание общественности - людей современных, образованных, социально активных, которые достаточно хорошо знают факты родной истории и конечно не нуждаются в простой информации о событиях жизни Гази-Магомеда.

Как случилось, что Гази-Магомед стал тем, кем он стал?

В поисках ответа на этот вопрос я попутно столкнулся с необычайным обстоятельством, которое подтвердят все интересовавшиеся историей.

Так, в начале XIX в. подавляющее большинство и в дагестанском обществе, и в среде русских администраторов, военных и просто населения никак не ощущали, что они стояли на пороге масштабных драматических событий, далеко выходящих за пределы Северо-Восточного Кавказа по своему историческому значению. Ничто не свидетельствовало, что Россия собирается воевать в Дагестане. Напротив, между Дагестаном и Россией усиливаются экономические и политические связи при одновременном ослаблении влияния Ирана и Трущии. Тягостное воспоминание о нашествии Надир-шаха и угрозы Ага-Магомед-хана на Кавказе способствовали формированию общественного сознания широких масс горцев, стремлению к сближению с Россией. Когда Россия в конце XVIII - начале XIX вв. стала вводить в Закавказье свои войска в продвижении их через свою территорию, дагестанцы оказывали всяческое содействие, встречали мирно и благожелательно.

В последующем события пошли по другому руслу. Через несколько лет здесь грянула серьезная война, которая протянулась в общем более сорока лет. Но тогда обеим сторонам (России и Дагестану) казалось, что события пойдут по совершенно другому пути...

Не предупреждение ли это людям нашего времени, которые точно так же напряженно взглядываются в будущее, с надеждой и опасениями? Если это так, присматриваться надо повнимательнее.

В начале событий тех лет просматривается столкновение трех разных политических линий. Каждая имела свою социальную основу, каждая опиралась на многовековую политическую традицию. И лишь 15 лет (1813-1828 годы) понадобилось для того, чтобы взаимодействие их привело в повороту истории Кавказа, открывшему целую ее эпоху.

Попробуем выявить каждую из этих трех линий.

Первая - это линия внешней политики Российской Империи.

Поражающим моментом ее проведения в Дагестане кажется время, близкое к 1813 г. Если до Гюлистанского мира в имперской политике преобладает тактика компромисса, то после него - нарастающее жестокое категоричное администрирование. Даже усиление временами военной активности самодержавия в XVIII в. (поход Петра I, экспедиции генералов Медей, Савельева, Зубова) сопровождалось уступками, продолжительными периодами нейтралитета и даже, на рубеже XVIII- XIX вв., реальными усилиями создания Кавказской конфедерации -самоуправляемой, с собственными военными силами, с ограничением имперского контроля лишь внешнеполитической и военной сферами. Компромиссность российской политики выгодно отличалась от жестокости Надир-шаха и Ага-Магомед-хана и не в последнюю очередь способствовала политическим успехам России, подталкивая местных владетелей к переходу в российское подданство.

Положение стало меняться в годы первой русско-иранской войны (1807-1813 гг.). Командиры частей Отдельного Кавказского корпуса все еще вмешиваются во внутренние дела дагестанских земель, появляются контрибуции и налоги, затем появляются и приставы - политические агенты главнокомандующего при местных владетелях, которых отстраняют от внешней политики, ограничивают в военных и судебных акциях, а подчас даже отстраняются от власти и заменяют. При этом все шире применяется военное и экономическое давление.

Контраст имперской политики до и после 1813 г., конечно же, объясняется тем, что Россия твердою ногою встала в Закавказье, и Дагестан потерял свою роль политического буфера между нею и восточными державами, став как бы «внутренней» территорией империи.

Но был ли такой «поворот» единичным локальным обстоятельством? Очевидно, нет. Слишком много аналогий тому мы видим в судьбе бывших казачьих областей. Так, ЯИК в 1733 г. теряет самоуправление и местные привелегии после перехода в 1731 г. Малого Жуза в Российское подданство, Запорожье ликвидируется сразу после подписания в 1775 г. Кучук-Кайнарджийского мира и выхода империи к берегам Черного моря. И каждый раз ущемление самостоятельности бывших «пограничий» сопровождается тяжелыми социально-политическими кризисами (движения Булавина и Пугачева, обострение «Гайдамачины»).

Того же следовало ожидать в Дагестане, и последствия не замедлили разразиться.

Вторая политическая линия - эта линия дагестанских феодальных верхов, правомочно выражавших тогда (как в любом феодальном обществе) политическую волю страны. Она опиралась на политическую традицию, оформившуюся еще в 1501-1556 гг., когда в борьбу за овладение на Кавказе один за другой вступили три крупные феодальные державы - Иран, Турция, Московское государство. Последнее, став в 1557 г. на сторону кабардинских князей в их борьбе с шамхалами и проведя в 1560, 1596 и 1604 гг. ряд походов на Тарки, тем самым подтолкнуло дагестанских владетелей в сферу политики Ирана, но это впоследствии вполне было компенсировано в XVII в. русским нейтралитетом, выгодно отличавшимся от «силовых методов» Ирана и Турции. В этой ситуации дагестанские феодальные владения выработали своеобразную «политику лавирования»: 1) не допускать ни поглощения, ни столкновения с обоими сильными соседями; 2) по возможности использовать любой поворот в их отношениях дабы занять более выгодное положение; 3) не допускать в Дагестане никакого управления извне; 4) а при попытках повторного давления объединить силы вольных обществ и мелких владений вокруг наиболее влиятельных феодальных домов, их главы должны стать представителями объединенных сил, вступить в союз между собой.

Эта политическая линия вполне оправдывала себя в XVI-XVII вв. «Вершина» не приходится на 30-40-е гг. XVIII в., когда именно по этой схеме была организована

борьба с Надир-шахом. После ее окончания, однако, обозначались первые черты кризиса «политики лавирования»: происходит распад феодальных правителей на две враждующие коалиции и т.п.

Тем не менее, до тех пор пока Россия вела «политику компромисса», в Дагестане вполне оправдывала себя «политика лавирования». Этой традицией придерживались в большинстве своем политические верхи Дагестана даже после 1813 г. Гюлистанский мир поначалу, видимо, не вызвал никаких опасений: поскольку шах передает формальный суверенитет над Восточным Кавказом российскому императору, постольку надо надеяться, что реальное самоуправление и широкая самостоятельность земель и владений Дагестана будут сохранены. Не случайно в течение целых 5 лет (1813-1818 гг.) мы не видим в Дагестане сколько-нибудь серьезных попыток военных выступлений.

Однако продолжение имперской политической линии в новых условиях предполагало отход от «политики компромиссов». Рано или поздно это ставило каждого политического руководителя в землях Дагестана перед выбором: либо попытка приспособиться к новым условиям, либо сопротивление ужесточающемуся диктату в соответствии с традицией предшествующих веков.

Это, естественно, вело к расколу: часть дагестанских политиков (ханов, беков, глав вольных обществ) отдавала себе отчет в том, что в отличие от XVI-XVII вв. ситуация на Кавказе перестала быть «симметричной». Три державы более не уравнивают друг друга в своем противоборстве с XVIII в. Россия все более определяла ход событий на Кавказе, а в противостоянии ей пришлось бы надеяться лишь на собственные ограниченные силы без надежды на поддержку извне, т.е. без перспективы успеха. С другой стороны, ограничения со стороны Российской военной администрации отчасти компенсировались прямой военной поддержкой лояльных правителей (также тоже были в Дагестане), сословными льготами, жалованием, возможностями карьеры и т.п. Другая часть политического руководства Дагестана, по-видимому, более приверженная к традициям, как бы не замечала необратимой «политической асимметрии» на Кавказе: она была готова ответить на

этот «исторический вызов» в полном соответствии с традициями XVI-XVII вв.

В 1818 г. противостояние вылилось в открытое военное столкновение, положив начало борьбе горцев с Российской Империей, продолжавшейся в разных частях Кавказа до 1859-1864 гг.

В полном согласии с традицией во главе его встали самые влиятельные дагестанские князья: Султан-Ахмед-хан Аварский, Гасан-хан Мехтулинский, Сурхай-хан Казикумухский, Адиль-хан Кайтагский, Ших-Али-хан Дербентский. Среди них находился Магомед-кади Акушинский и другие предводители общинных союзов. Представители высшей знати очень смело и отважно действовали против завоевателей, но они столкнулись с рядом трудностей, и прежде всего с «асимметричностью» внешнеполитической ситуации на Кавказе, за отсутствием единства среди самих политических верхов Дагестана. Это само по себе ставило под сомнение успех традиционной дагестанской внешнеполитической линии. Последующие события подтвердили это. К тому же пришлось столкнуться с силой куда более значительной, чем прежде, - с 30-тысячной регулярной русской армией. В этом смысле поражение в Салатавии, Джунгутае, Кумухе, Башлыкенте, Чиркее, Акуша и т.д., нанесенные феодальной коалиции генералов А.П.Ермоловым и его командирами, были закономерны.

А.П.Ермолов «прославил» себя на Кавказе своей исключительной жестокостью по отношению к дагестанским и чеченским народам. Силой оружия и блокадой он пытался его поставить на колени, «Я,- писал он, -не отступлю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть годод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать стада свои.»

Нас интересует другое - исторические итоги этого (дагестанских князей) этапа борьбы. В военно-тактическом плане, несомненно, выиграл наместник Кавказа Ермолов, а его дагестанские противники князья понесли поражение. Традиционная линия дагестанских верхов не выдержала испытания. Принятие в Дагестане формы организации сопротивления внешнему противнику показало свою неэффективность в новых условиях.

Хотя первое организованное военное выступление дагестанских феодалов за сохранение самостоятельной страны потерпело поражение, не исчезли причины, вызвавшие выступление 1818-1820 гг. Теперь стремление к борьбе, общественно-политическая активность части дагестанского общества выразились в поисках других форм консолидации и организации сопротивления Российской Империи.

В то же время имперская политическая линия понесла явный стратегический проигрыш, выявившийся лишь в перспективе. Мы имеем в виду жесткое администрирование и попытки возможно полнее перенести имперские порядки на совершенно иную культурно-историческую почву. Они стимулировали сопротивление, в то время как тактические успехи 1818-1820 гг. и видимость стабилизации порождали иллюзии о возможности достижения сложных политических целей простым военным усилием. Последующие события показали, что продолжение имперской политической линии вело в тупик долголетней изнурительной войны.

Между тем именно в течение 8 лет вполне оформилась третья политическая линия, давшая эффективные формы организации борьбы с имперской экспансией, консолидовавшие политическую активность часть дагестанского общества, линия, заложившая основы новой государственности и общественного самосознания.

Стремление к свободе и независимости родины среди горцев не могло угаснуть от того, что они в своей борьбе терпели неудачи. В непокорности дагестанцев и высоком их духе к свободе признался сам наместник Кавказа Ермолов, когда писал, что он «хочет признаться», что «народы оне никакой не признавали власти над собою. Здесь такой вселили они ужас, что никто верить не хотел, что их усмирить возможно». Действительно, это было так: победить, т.е. «усмирить» их нельзя было, пока они были вместе. И Ермолов старался их разобщить, бить в одиночку, и они только тогда терпели поражения. Каждый раз после таких неудач лучшие умы дагестанского общества находили в себе силы критически осмыслить создавшуюся ситуацию. К этому их толкала необходимость к поискам новых форм сплоченности своих рядов для борьбы. Поиском таких возможностей были заняты и в южном Дагестане, и

в Казикумухе, и в Западной Аварии, и в Чечене. Здесь находилась наиболее активная и образованная часть горцев. Широкой известностью пользовались такие ученые и общественные деятели, как Магомед Ярагский, Джамалудин Казикумухский, Ших-Шахбан и Мулла-Эфенди Чохский, Магомед-кади Акушинский, Магомед Ирганайский, Гамаат-бек Гоцатлинский, Магомед-Тагир Карахский, Гаджи-Али Чохский, Аслан Кади Цудахарский, Абдурахман Гаджи Согратлинский, Мирза-Али Ахтынский, Нурмагомед и Лачинилау Хунзахские, Ника-Кади Цудахарский, Гази-Магомед и Шамиль Гимринские и многие другие. Каждый из них по-разному представлял свою роль в сложившейся ситуации. Одни из них утешение находили в строгом исполнении всех исламских обрядов и частом обращении к всевышнему об избавлении народа от враждебных сил, другие смирились с новым режимом и более были озабочены своим благополучием. Наиболее же воинственные и озабоченные сохранением национальной чести и достоинства были непримиримы к завоевателям и считали борьбу с ним делом правым и богоугодным. Это они готовили к выходу на арену Дагестана новую, более решительную и грозную политическую силу, вошедшую в историю под названием «мюридизм». Эта сила формировалась в течение 8 лет, она дала эффективные формы организации борьбы с имперской экспансией, консолидировала активную часть дагестанского общества, заложила основы новой государственности и общественного сознания.

И если поиски этой новой линии начал Магомед Ярагский, то находка ее - заслуга того человека, чей 200-летний юбилей мы ныне отмечаем. Как и две предыдущие, эта новая политическая линия также опиралась на многовековую политическую традицию. В основе ее лежит тарикат бухарского шейха XIV в. Бахауддина Накшбанди, проникший к этому времени на Кавказ. Составной частью его были организационные формы, свободные от сословных, национальных, языковых и т.п. традиционных и структурных ограничений. Это как нельзя лучше подходило для задачи национальной консолидации мозаичного общества Дагестана и Чечни начала XIX века.

Около 1823 г. накшбандийский тарикат проник в Дагестан. Здесь его первым провозвестником признается мюр-

шид Магомед из с.Яраги, который посетил в это время с. Кюрдамир в Азербайджане, где это учение проповедовал шейх Исмаил.

Ученый Магомед Ярагский не только усвоил от Исмаила идеи тариката, но и получил своего рода инвестуру - духовные полномочия на руководство мюридами-приверженцами. Таковых уже в следующем году у Магомеда Ярагского было немало, причем среди них оказались и будущие духовные и общественно-политические лидеры дагестанского общества. Уже в 1824 г. среди мюридов было немало таких, кто считал «борьбу за веру» неотъемлемой частью духовного поиска. Речь шла об идее национальной независимости. Эта идея была великой идеей, способной поднять и сплатить весь народ, подвигнуть его на подвиги, на борьбу, лишения, жертвы.

По иронии истории деятельность приверженцев Магомеда Ярагского не была секретом и для российской администрации. Все необходимые сведения о кюрдамирской миссии изложены в записке Прушановского, капитана генерального штаба русской армии.

Однако руководителям имперской политики на Кавказе не хватало прозорливости, и изжившая себя политическая линия проводилась иными (т.е. военными) средствами, умножая людские и материальные затраты империи, осложняя политическую ситуацию для ее руководства.

Точно также не было исторической случайностью и то, что именно Гази-Магомедом это религиозное направление (учение о тарикате) было адаптировано и реформировано для решения реальных сложных общеполитических задач, вставших как исторический вызов перед дагестанским обществом.

Именно Гази-Магомед, крестьянский сын из Койсублинского вольного общества, стал первым признанным имамом-вождем Дагестана и Чечни, боровшихся за национальную независимость.

Именно он провел первые эффективные военные удары по мощному противнику.

Именно Гази-Магомед провозгласил шариат первенствующей основой нового гражданского единства разноязыч-

ных народов, заложив тем самым основы новой государственности, нового общедагестанского самосознания.

Конечно, нужны были исключительные способности его преемника, третьего имама Шамиля, чтобы на этом фундаменте возвести новые завершённые структуры военных сил, имеющих кадровое ядро и роды войск, Имамата - полноценного государства с оригинальным административным и политико-правовым устройством, провести социальные реформы, направленные к равенству и общинной демократии. Однако прежде всего сам Шамиль признавал Гази-Магомеда своим предшественником и учителем.

Борьба горцев окончилась военным поражением. Но обесценивает ли оно третью политическую линию, оформленную Гази-Магомедом?

Вряд ли такой вывод справедлив.

После 1859 года горцам остались не только разрушенные села и память о погибших героях. Очень важно отметить, что в годы освободительного движения наши народы прониклись новым общедагестанским самосознанием. Мало того, упорная борьба, в конце концов, трансформировала и политическую линию противника. Одержав военную победу в 1859 году, империя вынуждена была воздержаться от распространения на Дагестан общеимперских налогов на податные сословия, а также и обязательной воинской повинности. Империя сохранила основы дагестанской традиционной общинной организации, традиционного суда и делопроизводства, традиционного образования. Передовые русские люди внесли огромный вклад в культурное освоение Дагестана, оставили нам ценнейшее наследие во всех областях научного и художественного творчества периода Кавказской войны.

Разве это не результаты борьбы горцев? Причем далеко не все в этих событиях имеет лишь исторический интерес. Мне кажется, в условиях своего времени и Гази-Магомед, и Шамиль ближе всех подошли к тому идеалу «единства в многообразии» (т.е. единства, не унифицирующего и не объединяющего своеобразие каждого из своих составляющих), который и сегодня остается для нас таким желанным, хотя и не достигнутым образом.

КОГО БЕСПОКОИТ ИМЯ ШАМИЛЯ?

С тех пор как ситуация в Чечне стала осложняться, в наших СМИ все чаще обращают взор в XIX век. Смысл происходящих ныне на Северном Кавказе событий, их направленность и возможный исход пытаются постичь, обращаясь к далеким событиям Кавказской войны...

Наверное, наших публицистов-профессионалов и любителей можно понять: человеческий ум, видимо, так устроен, что непременно во всем ищет смысл, а если в действиях участников конфликта отыскать смысл почти невозможно, то желание сделать это через сравнение с похожими событиями, происходившими много лет назад на этом же месте, вполне естественно: что еще остается делать, если сами инициаторы и руководители событий не могут дать им вразумительного объяснения?

Но обратившихся за ответом к прошлому оказалось гораздо больше, чем знающих об этом прошлом, и еще больше тех, кто готов кроить это прошлое на свой лад и к собственной пользе. И вот в торопливых руках вновь замелькал бессмертный и гордый образ Шамиля.

Признаюсь, какое-то время я старался смотреть на вещи терпимо, понимая людей, прощая им невольные их ляпсусы. Но есть, видимо, у каждого кавказца какое-то особое отношение к этому имени, а иногда, как у меня, есть и особые причины не оставаться спокойным. Разве мало перенес имам Шамиль при жизни? Разве мало доставалось ему от подлых политиканов после смерти? Теперь еще одно испытание; сначала мы увидели его имя в заголовках газет-однодневок, потом в рекламах разных АО и СП (чего стоит название-концерт «Имамат»), на календарях. Дело дошло уже до полотенец, маек и запасных колес джипов. Неприятно, конечно, - самое время вспомнить о такте и чувстве меры. Но оказалось - и это не предел.

Недавно пришлось увидеть и предел. Депутат Государственной Думы в короткой авторской передаче, показал такую смесь невежества, грязи и безтактности, какую и на нынешнем ТВ редко увидишь, - чего стоило одно слово «бандит» в адрес Шамиля - национального героя, почитавшегося не только его земляками, но и лучшими, интеллигентнейшими людьми России! Стало ясно, что Кавказская

война и ее герои становятся не только предметом политических спекуляций, но и прямых оскорблений, да и не один А. Невзоров причастен к этому.

Что объединяет многочисленные «упражнения» публицистов на эти темы? Прежде всего в глаза бросается невежество: люди не просто не разбираются в предмете разговора, но им самим при этом неизвестно, что они мало что о нем знают. В большинстве газетных статей, затрагивающих тему Кавказской войны, профессионал отмечает фактические ошибки. И это не результат злой воли. Так, в популярной передаче «Река времени» ведущий, говоря 25 августа о Шамиле и горцах даже с симпатией и сочувствием, то и дело «спотыкался о факты», что же говорить о тех, кто настроен не столь лояльно? Достойную и резкую отповедь А. Невзорову дал наш земляк-Рамазан Абдулатипов. И здесь надо отдать должное и СМИ: свои страницы предоставили ему «Литгазета», «Сегодня», не говоря уже о наших изданиях. Но это, видимо, не исчерпало проблему, ведь мы сталкиваемся не с единичным фактом, а с явлением.

Итак, нынешние «аналитики» в поисках материала для аналогий обращаются к 47-летней войне (1817-1864 гг.), которую правительство Российской империи вело против горцев Северного Кавказа. И, как полтора века назад, для объяснения упорства горцев предлагается их «религиозный фанатизм». Но ведь не менее упорно горцы воевали и против нашествий «единоверных» держав Востока - вспомним хотя бы 10-летнюю борьбу с Надир-Шахом (1734-1744 гг.). А что сказать об изгнании турецких войск из Дербента в 1606 г. или о сопротивлении Тамерлану в 1395-1396 гг.? Общность религии несколько не изменила характер борьбы. Непокорность чужеземному гнету - национальная черта горцев - оставалась неизменной.

Дело, по-видимому, в другом: горцы воевали на своей земле против чужеземной угрозы своему краю, своему дому, своей независимости и свободе, они не представляли себе, как можно жить, лишившись всего этого, и потому сопротивлялись до последней возможности, одинаково упорно, шла ли речь о «единоверных» Иране и Турции или «иноверной» Российской империи. Правда, в последнем

случае «борьба за веру» могла выступить как лозунг, как средство активизации и сплочения (причем у обеих сторон).

Вопросы начала и конца Кавказской войны («Кто ее развязал?», «Где же нынче победа?» и т.п.) тоже толкают публицистов в XIX век. Наверное, при любом подходе видно, что война велась за этническими рубежами России, на земле горцев, и это само по себе многое поясняет.

Другой вопрос - можно ли было обойтись вообще без войны? Поиски конкретного виновника - всегда дело сложное и длительное. К счастью, меня избавляет от этого прекрасная в своей лаконичности и точности констатация в статье Рамазана Абдулатипова «Кто начинал Кавказскую войну?»: «Не кавказцы и не русские, а военнополитический режим Кавказской администрации (царской и местной) явились главными организаторами Кавказской войны». Лучше не скажешь, особенно в наши дни.

Что же касается конца войны и победы, то конец тогда наступил не скоро: от первой стычки у укрепления Прочный Окоп в 1817 г. и до падения Гуниба в 1859 г. прошло 42 года, а до занятий Красной Поляны в 1864 г. - 47 лет, и это, конечно, наводит на размышления. Если же говорить о победе, то нет ничего удивительного в том, что ее одержала (после многолетней борьбы) более многочисленная имперская армия с ее неисчерпаемыми материальными и людскими ресурсами.

Более интересна другая постановка вопроса: оказались ли горцы побежденными? Да, потери их были поистине огромны. Но своей упорной многолетней борьбой они добились многого: как никогда до этого дагестанцы осознали себя единым народом с общей исторической судьбой, с общими духовными ценностями. Они добились сохранения в горной части края традиционных форм общинного самоуправления, традиционных шариатских адатных норм (а не имперских) форм делопроизводства и начального образования, свободы вероисповедания, свободы от воинской повинности, и, наконец, почти символического размера налогов (в несколько раз меньше, чем платили крестьяне «имперской» нации). И у тогдашней администрации хватит здравого смысла, чтобы признать все это за горцами как фактический результат их упорной борьбы. Почти ни один

народ, включенный «мирным путем» в состав империи, не имел подобных прав.

Так можно ли после этого считать борьбу горцев «напрасной», «безрезультатной», словом, можем ли мы признать такой финал их поражением? Вряд ли это будет верно в историческом смысле. Последствия Кавказской войны трудно осмыслить в категориях «победа-поражение»; ближе к исторической реальности было бы говорить о результатах, более всего напоминающих своеобразный двусторонний компромисс, и довольно удачный.

Во всяком случае, следующие полвека развития Дагестана в составе Российской империи ознаменовались многими переменами к лучшему в жизни горцев. Я не стану рассуждать тут об индустрии и железных дорогах, экономике и торговле, лучше уж скажу о другом: всякий, кто, подобно мне, знает, застал еще в живых поколение горцев, начавших свою жизнь в XIX в., наверное, слышал от них, когда разговор заходил о жизни, что самые спокойные благополучные годы - это «никтолай-заманна» (т.е. дореволюционное время). Какая еще к этому нужна статистика?

Тут мы подходим к следующему вопросу, который меня более всего задел: в какой мере сопоставимы военный конфликт в Чечне и Кавказская война? Герои и руководители той войны и нынешние лидеры обеих воюющих сторон? Как историк-профессионал я знаю, что бывает сходство событий и не бывает их повторения, да и степень сходства (как и не сходства) бывает разная.

Итак, некоторым журналистам бросается в глаза то, что опять центральное правительство Российского (федеративного) государства ведет войну против местной власти одного из краев Северного Кавказа, - совпадают отчасти и место конфликта и его стороны. И как-то незамеченными остаются весьма существенные различия:

- тогда, при Шамиле, горцы боролись, за сохранение реально существовавшей независимости, которой они обладали; сегодня руководство Чечни добивается государственной независимости, которой пока нет, но она предполагается в случае отделения от России;

- в основе сегодняшнего конфликта центральной власти с местным руководством Чечни (отчасти и внутри лидеров

Чечни) - борьба за власть, за обладание нефтью, энергетикой, экспортными и валютными возможностями; в завоевательной политике царизма и сопротивлении горцев в период Шамиля, экономические роли заметной роли не играли;

- в движении Шамиля криминальные элементы отсутствовали, отсутствовала и наркомафия; в нынешнем же противоборстве их удельный вес и роль очень заметны.

Я взял лишь три очевидных отличия, но их список можно было бы продолжить. Эти отличия объясняют, почему конфликт не вышел за пределы Чечни (даже Ингушетия не втянулась в него) и не охватил, как в XIX в., весь Северный Кавказ от моря до моря. Но почему всех этих отличий не замечает наша «четвертая власть», обращая свой взор в XIX век?

Если обратиться к лидерам нынешнего военного конфликта, то разница с XIX в. еще разительнее.

Начнем с того, что Шамиль впервые в истории горских народов сумел создать общую для них дееспособную государственную структуру - имамат. Лидеры республики Ичкерия унаследовали вполне дееспособную структуру ЧИАССР, сумели сохранить лишь те ее стороны, которые как-то связаны с армией и финансами, остальные были развалены.

Шамиль искренне верил в то, что проповедовал другим, - призывая к борьбе, он сам шел в первых рядах. Он имел 19 ран, полученных в боях. Ему, следовательно, не откажешь в мужестве. В его время не прибегали к использованию в бою «живого щита» из собственных сограждан, и вообще невозможно вообразить себе горцев XIX в., применяющих такие меры в военных действиях. Но еще более удивляют меня нынешние журналисты, сравнивающие этих «тактиков» с героями освободительной войны XIX в. Наверное, это не только мое мнение. Рамазан Абдулатипов совершенно прав, когда отмечает: «Думаю, трагедия наших политиков - в незнании Кавказа, его традиций, менталитета его народов. И что меня удивляет особенно: три года Дудаева сравнивали с Шамилем, сегодня с Шамилем сравнивают Шамиля Басаева. Это совершенно оскорбительное сравнение! Шамиль был дагестанцем, это наш национальный герой. Это то же самое, как если бы я сравнил

Александра Невского с любимым бандитом» (Лит. газета», N 31, 2.08.95 г.).

По-моему, даже иронически нельзя писать такие фразы: «Что не удалось Шамилю, удалось Дудаеву, Басаеву и К». Можно предположить, что некоторые пишущие не имеют никакого понятия о Кавказской войне и ее героях, в лучшем случае им известны имена Шамиля и Хаджи-Мурата скорее всего из повести Л.Н. Толстого (многие ограничились, видимо, «Кавказским пленником» в 4-ом классе). Вообще, даже в статьях наших серьезных журналистов о нынешних событиях в Чечне всегда заметно влияние русской романтической литературы XIX в., поэтому я предпочитаю публикации местных журналистов - жителей Чечни и определенных республик.

Добавлю, что меня очень беспокоит моральная сторона этого «менталитета нынешнего поколения»: с одной стороны, потеряно очевидное различие между Шамилем и его сподвижниками и нынешними «лидерами», с другой стороны, потеряно ощущение недопустимости тактики «живых щитов» и т.п. (лишь бы результат был!). Не означает ли это, что за минувшие 150 лет людьми потеряно «что-то» трудно определимое, что позволяло в XIX в. различать допустимое и недопустимое, а сейчас это «что-то» исчезло? Я предлагаю самим читателям найти для этого исчезнувшего «что-то» более точное название...

Обладая этим «чем-то», противники могли сражаться друг с другом, убивать друг друга, доходить в пылу борьбы до крайней жестокости - и в то же время видеть друг в друге людей, уважать достойного противника, идти на переговоры и перемирия. Именно по этой причине Главнокомандующий Кавказской армии князь Барятинский, гарантировав себе под Гунибом полную победу, все же предпочел вступить в переговоры с Шамилем как с воюющей стороной и на почетных условиях принять его сдачу. Дальнейшая судьба Шамиля известна. Конечно же, это был плен, но с сохранением достоинства и признанием доблести побежденного. Столь же достойно и держался Шамиль: единственной его просьбой к противнику-царю (если оставить в стороне быт) было отпустить его в хадж. Просьба в конце концов была исполнена, при этом все члены семьи Шамиля

получили права российского дворянства (этим самодержавие в присущей ему форме выразило свое уважение к достойному противнику). Интересно, что в Дагестане царская администрация не только амнистировала всех участников борьбы, но даже сохранила многих набобов Шамиля на их местах.

Интересно также послушать и рассуждения нынешних дилетантов об этих событиях: поступки царских властей им абсолютно непонятны (сказывается потеря «чего-то»), поэтому конструируется такое объяснение: царь, мол, боялся мирового общественного мнения, и только поэтому лояльно обошелся с Шамилем (47 лет воевать не боялся, а тут вот испугался). Но как тогда быть с набобами и амнистированными? За них тоже сильно заступалось мировое общественное мнение.

И, наконец, могла ли Кавказская война иметь иной исход? Не следует ли считать действия «лидеров Ичкерии историческим реваншем, стремлением перевоевать заново» ту войну XIX века?

Как историк, я прекрасно знаю, что в истории нет сослагательного наклонения. К тому же я постарался показать, что тактические победы имперской армии в 1859 и 1864 гг. не были историческим поражением горцев: лишившись возможности создать свое национальное государство, они сумели завоевать (а не получить в подарок) приемлемое место в системе «универсального государства» (Российской империи), которое открыло им новую перспективу исторического развития - и она не была для них бесполезной или тупиковой. Жертвы были огромны, да и после войны пришлось затратить много энергии на адаптацию, и дело шло не так уж гладко (кроме «длинного газавата» 1828-1859 гг., был и «короткий газават» 1877-1878 гг.), но Дагестан все же стал органичной частью огромного и динамичного социально-экономического организма.

Не могу согласиться с Рамазаном Абдулатиповым в том, что Кавказ и Россия - это «близкие по духу цивилизации» - как раз нет! Наши исторические истоки очень разные. Но он, безусловно, прав, когда говорит, что Россия и Кавказ - «это противоположности, которые тяготеют друг к другу,

взаимно дополняя друг друга». Дело не ограничивается экономикой: века контактов научили горцев и русских (да и другие этносы империи) понимать друг друга, сосуществовать друг с другом, оставаясь самим собой и нечего не теряя /а есть ли уверенность, что иная историческая ориентация не завершилась бы ассимиляцией?/. Посредничество России сделало возможным контакты горцев с европейским миром. И ставить вопрос о разрыве связей, складывавшихся веками, ставших органичными, нет никакого смысла. Да ради чего стоило бы идти на это?

Признавая за любым народом неотъемлемое право распоряжаться своей судьбой, дагестанцы, чеченцы и ингуши ожидают в ответ признания и за ними такого же права. Сейчас, когда на Северный Кавказ пришла беда, мы особенно остро чувствуем нашу историческую близость с чеченским народом. Нам понятно то подчеркнутое уважение, которым окружено в Чечне имя Шамиля. Мы уже доказали, что слова о братстве наших народов - не поэтическая метафора. Об этом лучше меня могли бы сказать те 150 тысяч наших соседей, которые нашли убежище в Дагестане в самое лихое время военной зимы 1995 года. Мы терпеливо старались понять то, что тяжело терпеть, - все эксцессы 1991-1994 гг., все нынешние военные инциденты. Рано или поздно, беда у наших соседей кончится, и нет сомнения, что не будем в стороне и тогда, когда надо будет восстанавливать разрушенное.

Вместе с тем мы и сейчас считаем, что, если у соседа пожар, то ему мало поможем тем, что подожжем и свой дом. В свое время чеченцы оказали Дагестану неоценимую помощь, поддержав имама Шамиля в самый критический момент после Ахульго. Двадцать лет пробыл Шамиль в Чечне, ставшей как бы второй его родиной, - такие вещи остаются в исторической памяти народа навсегда. Но ответ народа на тот вызов, который бросает ему история, всегда должен соответствовать времени - иначе он не будет ответом.

Фото Расула МАГОМЕДОВА

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК-КАВКАЗОВЕД

Мне доставляет огромное удовлетворение, ощущение истинной радости сказать несколько слов о Расуле Магомедовиче Магомедове в связи с изданием настоящей его работы, написанной автором к 200-летию имама Шамиля.

Р.М.Магомедов широко известный и высокоавторитетный деятель, выдающийся ученый, признанный патриарх исторической науки, увенчанный самыми высокими титулами - заслуженный деятель науки Дагестана и России, доктор исторических наук, профессор.

Нет преувеличения в утверждении, что ему принадлежит особая заслуга в создании фундаментальной научной школы, под благотворительным влиянием которой развивалась и развивается вся историческая наука республики. Под его руководством в науку вошли целые поколения молодых исследователей. Его научный авторитет с 1930 годов и по сей день остается самым высоким критерием и надежным ориентиром для всех общественников.

Расул Магомедович - не только крупный ученый, но и видный общественный деятель, человек, обладающий глубокими знаниями, опытом, мудростью, к голосу которого прислушиваются при решении важных для республики проблем. Он один из общепризнанных аксакалов дагестанского общества.

И наконец, Расул Магомедов - человек поучительной судьбы, чей жизненный путь и гражданская позиция являются собой пример цельности человека, стойкости и мужества, преданности своему призванию.

Расул Магомедов вступил в науку как историк знаменитой Кавказской войны, исследователь её наиболее могучего и яркого этапа - народно-освободительной войны, возглавляемой имамами Газимухаммедом, Гамзатом и Шамилем. Еще в 1939 году издана его монография «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля», которая и по сей день остается наиболее фундаментальным трудом об этой великой эпохе. По этой причине она в 1992 г. переиздана в библиотеке Фонда Шамиля массовым тиражом. За короткий срок в те же годы вышли брошюры по разным этапам истории Дагестана. Все издания молодого ученого

отмечены высокой оценкой в научных кругах, с восторженной признательностью восприняты широкой общественностью. Ученый с вдохновением открывал свой край, край уникальной судьбы, его великую историю. История, которая в прошлом для подавляющей части населения существовала в легендах и преданиях, обретает свою строгую научность, особую масштабность и эпохальность. Народы, которых убеждали, что они жили в наглухо закрытом каменном мешке, были отгорожены от внешнего мира, прозябали в отсталости и невежестве, восприняли от деяний своих предков, сопричастных и активно участвовавших во многих важнейших событиях всемирного значения, прославивших свой край великим порывом к свободе.

Ученый полон радужных перспектив, занимает высокие посты в научных учреждениях.

Грянула война и Расул Магомедов разделил с народом её горькую долю; он добровольно ушел на фронт, участник сражений за Крым и партизанского движения. В 1943 г. был отозван и назначен народным комиссаром просвещения республики, а затем и заместителем Председателя Президиума дагестанского филиала АН СССР. Его любимым делом оставались история родного края.

В эти годы в высоких кремлевских кабинетах складывается иное понимание истории. Особенно это касалось национально-освободительных движений и колониальной политики царизма. Особую дань начали отдавать цивилизаторской миссии царизма в отношении народов якобы в прошлом диких, невежественных, обреченных на вымирание. Речь явно шла о том, чтобы вообще отрицать колониальную сущность российской политики, в отличие от так называемых классических колониальных держав Запада. Всякое сопротивление народов имперским поползновениям царизма в прошлой истории по этой причине уже было обречено на фальсификацию. Даже банальная концепция двух зол под угрозой которых, по утверждению И.Сталина, находились народы, боровшиеся с российской и азиатскими империями, трансформировалась в аналогетику царизма.

В стране, лишенной благородной нравственности внутренней и внешней политики, все могло быть извращено, оболганно во имя так называемых высоких целей. Пошла

череда грандиозных праздников «добровольного» вхождения завоеванных народов в состав Российской Империи. Это было, правда, позднее. Но они были логическим завершением «задумок» политиков, рассчитанных на укрепление дружбы народов, итогом которой должно было стать растворение всех и вся в советском народе.

Первые грозные раскаты фальсификаций, поддержанных всей мощью тоталитарного режима, кинули тогда молодого ученого в водоворот весьма опасных для его судьбы событий. Устами верного сатрапа кремлевских хозяев - Багирова, тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, народно-освободительная война горцев объявлялась реакционной, антинародной, испропанной Турцией, Англией и т.д. Шамиль из признанного вождя в одночасье стал агентом Англии и ставленником Турции. Один за другим последовали пленумы, активы, собрания, на которых самыми грубыми методами отвергалась истина, самыми изощренными приемами шельмовались научные авторитеты, требуя от них отречения и покаяния. Многие не устояли перед этим всесокрушающим накатом. Дрогнули известные кавказоведы. Позорное для столь высокого научного учреждения постановление вынес Президиум Академии наук. «Директивным тоном предлагалось изменить оценки, были сделаны оргвыводы. В соседней с нами Грузии поспешно подготовили к печати и издали фальсифицированный свод документов под крикливым названием «Шамиль - ставленник Англии и турецкий шпион.»

Многие ученые стали рядиться в тоги защитников линии партии в вопросах истории.

Однако не все струсили и покорились. Не покаявшийся ушел из жизни известный азербайджанский философ Г.Гусейнов, который в предисловии к своей монографии, удостоенной незадолго до этого Сталинской премией, посвятил Шамилю и его эпохе несколько строк, отмечая их благотворное влияние на развитие общественно-политической мысли Азербайджана.

Не стал в угоду фальшивой конъюнктуры поддерживать грязные инсинуации на историю родного края и наш Расул Магомедов. Оболганный, оклеветанный, освобожденный от

всех занимаемых должностей с аннулированием степени доктора исторических наук, отстраненный от своего любимого дела и более того, неуверенный в том, что не может быть репрессирован, он не сломился, выдержал экзамен на верность гражданскому долгу, преданности истине, своему призванию ученого. Это одно уже достаточно, чтобы его имя заняло самое почетное место в анналах нашей истории.

Ученому было суждено долгие годы нести в себе груз этой несправедливости, подчиниться нелепому запрету, исключившему XIX век из истории Дагестана, найти себе мужество вернуться к исследованию истории, вновь защитить докторскую диссертацию, возглавить авторитетную кафедру истории в Дагестанском государственном университете, учить и просвещать молодежь, готовить научные и педагогические кадры, писать монографии и учебники, по которым преподается история Дагестана в школах, средних учебных заведениях, в вузах.

К нашей великой радости Расул Магомедович и сегодня полон энергии, готов к участию во всех значимых для республики делах, своим авторитетным словом бороться за истину и справедливость. Это слово ученого сегодня не менее нужно, чем в прошлом. Примеров к тому много.

Можно сожалеть, что новые времена - перестройки и постперестроечная «демократия», открыв тему Кавказской войны, все же не привели к фундаментальному пересмотру застарелых взглядов, не полностью оторвали нас от груза старых ошибок, и даже страхов. Вспоминается разброс мнений на представительной Всесоюзной научной конференции в Махачкале.

Выход на трибуну людей, которые продолжали шельмовать нашу историю (Виноградов и его компания), воздали дань твердо-большевистской односторонности в оценке роли религии, шарната, накшибандийского тариката в этом движении.

Не унимается и продолжает свою старую фальсификаторскую роль Блиев, который совсем недавно выпустил объемистую книгу в соавторстве, в которой реанимируются старые, казалось бы, преодоленные концепции Кавказской войны.

Особо обострился интерес общественности к Кавказской войне в связи с событиями в Чечне, то о чем так хорошо написал Расул Магомедов в своей статье. Это естественно и вполне понятно. Однако многие, обращающиеся к историческим параллелям, вовсе не озабочены выявлением позитивных уроков самой длительной в истории России войны, а напротив, использует этот материал для нагнетения страстей и возрождения в нашем государстве имперских амбиций. Пошлины ряды демократов, и крайне парадоксально и само слово «демократ» обретает хулительный смысл. Многие из них стали на позиции державников, которые хотели бы старыми методами возродить великую Россию.

В современном Российском государстве стали возможны телепередачи А.Невзорова, в которых воспеваются жестокость федеральных войск в Чечне, демонстрируются отрезанные уши, пытаются оправдать эту самую абсурдную в истории России войну, эту ужасающего всякого нормального человека кровавую бойню немыслимых масштабов с применением самых современных видов вооружений, в том числе и запрещенных международными конвенциями, устроенной в Чечне нашей «демократической» властью во главе с президентом-«демократом»

В аморальный хор включились некоторые фракции Госдумы, готовые сделать все возможное, чтобы свернуть мирный процесс и вновь имперскими методами сохранить Россию от развала.

Практической пользой изучения истории начали заниматься многие, даже рядовые казаки. Один из таковых Владимир Миляев подключился к этой теме статьей, названной «О практической пользе изучения истории», напечатанной в газете «Кавказский край» (N3, 0-15 августа 1996г). По мысли автора, «только казаки, коренные жители этих мест, могут служить надежным противовесом хищническим устремлениям соседей». Автор статьи воскращает насквозь лживую концепцию, что та Кавказская война в XIX веке была развязана горскими народами, а не царизмом. Он восхваляет «подвиги» казачьего батальона имени А.Ермолова в Чечне, сетует, что практика формирования казачьих частей была приостановлена, призывает

использовать те же методы зверства, к которым прибегали Ермолов, Вельяминов и т.д. Следовательно, урок истории, помыслы казака покорить силой оружия в наступательной войне, сокрушить, сжечь, уничтожить, опираясь, в частности, на «коренных жителей Кавказа» - казаков, с помощью которых царизм столетиями осуществлял свою экспансию на Южные пределы.

То, что извинительно «свободной» газете, непростительно правительственной «Российской газете». На её страницах в статье «Кавказ и Крым: неусвоенные уроки Российской истории» (23 января 1996г) утверждается тезис о том, что Россия, продвигая свои границы по Кавказу на юг, неуклонно шла «к своим естественным и этнографическим границам», а все, что противостояло этим устремлениям, зачислено в ранг сепататизма. В разряд сепаратистов попал глава боровшегося против российской экспансии независимого государства имам Шамиль. На сей раз упражнения по истории выполнили проф.В.Печенев и кандидат наук С.Усов, которые не постеснялись вытащить из затлтых архивов старые измышления об имаме Шамиле как ставленнике иностранных держав.

Судя по всему, некоторая часть российского общества возвращается к старым понятиям, концепциям и теориям. Во имя, по их мысли, «высоких» идей можно пойти на всякое: ложь, клевету, извращения. На страницах нашей печати писалось, что наш гордый имам приполз к Ермолову на коленях, прося пощады. Напомню, что печально известный А.Невзоров посмел именовать главу независимого имама Шамиля бандитом. Как ни странно, в хор державников подключился «Всемирный Русский Народный Собор» - фундаменталистская православная организация, возглавляемая формально Патриархом Московским и всея Руси. Опять возрождаются идеалы Третьего Рима и Святой Руси, утверждается, что Россия не страна, а континент, передается анафеме пацифизм, благословляется оружие массового поражения. (см.Экспресс-хроника. N41, 15 дек., 1996г.).

Царская Россия в своей колониальной политике широко прибегала к известной с древности тактике «Разделяй и властвуй». И нынешние державники не прочь воспользоваться этими же методами. Противопоставь ингушей осети-

нам, поддержки Абхазию, а потом Грузию в их противостоянии, преврати Карабах в разменную карту, попробуй вбить клин между народами Дагестана и чеченцами. В свете сказанного весьма характерна статья некоего Д.Ухлина «Горы, с которых хорошо видно Кремль» в журнале «Итоги» (ноябрь, 1996г.). Начинается она с хлесткой фразы «Аварцы - не мужчины!» - заявил в телекамеры Джохар Дудаев, когда в декабре 1994 понял, что призыв к горцам Дагестана поддержать его в войне против федеральных войск не возымели действия. Опровергнуть это нелестное мнение президента Чечни представлено такому высокому «авторитету», как торговец яблоками на базаре в Махачкале: «А на Кавказе каждый знает: нет соседа хуже чеченца». В статье безапелляционно утверждается, что Хасавюртовские соглашения встречены в Дагестане в штыки. На трех страницах убористого текста журналист Ухлин упражняется в подобных нелепицах, смысл которых очевиден - он хочет убедить читателя в том, что независимость Ичкерии рискует обернуться межкавказской войной. Не нашел журналист более авторитетных источников информации, кроме как безымянного торговца яблоками на махачкалинском базаре в одном случае, в другом - некие молодые ребята в Махачкале, или же шофер Али, занимающийся частным извозом и т.д. Все перемешано в этой сумбурной статье. Однако она может создать впечатление подлинности, достоверности у неискушенных читателей, внушить им идею пагубности миротворческих усилий и необходимости продолжения широко известной в прошлом политике разделения, противопоставления народов.

Все это вместе взятое свидетельствует, что сама тема Кавказской войны и ее выдающихся деятелей остаются в эпицентре политических спекуляций, стали для тех, кто упорно продолжают старые имперские упражнения, весьма привлекательным материалом.

Все это побуждает нас глубоко и объективно изучать своё прошлое, извлечь из него уроки, способные помочь разобраться в сложных процессах, участниками и свидетелями которых мы являемся, помочь самим себе, окружающим и всему обществу: не повторять трагических ошибок и заблуждений, продиктованных невежеством, высоко-

комерной верой в особую линию какого-то народа, государства. В этом смысле для нас замечательным ориентиром был и остается наш Расул Магомедов.

Подкупают своей объективностью рассуждения Расула Магомедова об уроках Кавказской войны и особенно его тезис о невозможности судить о ней с категорий «победа» или «поражения». Да, горцы в этой войне потерпели военное поражение. Факт, что против горстки народов была выставлена армия, численность которой едва ли не превосходила общее количество боеспособного населения Имамата на последнем этапе этой войны. Мы порою не вдумываемся в эти цифры - более 230 тысяч регулярных частей, да еще плюс так называемые нерегулярные воинские формирования из кавказских народов - грузин, армян, мусульманских народов Дагестана и Северного Кавказа.

Но эта была несомненная моральная победа горцев и, соответственно, моральное поражение самой могущественной военной державы мира, какой была Россия, по крайней мере, до Крымской войны. Эта великая эпопея на Кавказе, как и Крымская война, подточила устои России, способствовала наступившим вскоре реформам, отмене крепостного права, выработке в сознании прогрессивной части русского общества иного взгляда на человеческую личность и жизнь Кавказских горцев, признанию их прав на свое достоинство, на свои ценности, на свой, как это модно в наше время говорить, менталитет. И, пожалуй, эта часть публикуемой работы Расула Магомедова представляет особый интерес для современного читателя.

Дибир МАГОМЕДОВ,
доктор философских наук, профессор,
председатель правления фонда Шамиля.

Содержание

Героический период истории горских народов.....	3
1. Оборонительный характер войны горцев.	3
2. Была ли альтернатива для мирного исхода войны в Дагестане и Чечне?.....	7
3. Шамиль и новый «тарикат»	11
4. Социальная база и социальная политика движения Шамиля.....	12
5. Шариат и традиции формирования государства. Шамиль как государственный деятель.....	14
6. Государственная территория Имамата и влияние за его пределами.....	19
7. Шамиль и боровшийся Западный Кавказ и его влияние в Закавказье.....	21
8. Отношение Шамиля с зарубежьем и резонанс в мире.....	23
9. Шамиль и русское общество.....	25
10. Военное искусство Шамиля.....	29
11. Штурм Гуниба и плен Шамиля.....	35

12. Последствия Кавказской войны.....	42
1. У истоков имамата.....	48
2. Кого беспокоит имя Шамиля?.....	58
13. Выдающийся историк-кавказовед.....	67

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Р.М. Магомедов
ДВА СТОЛЕТИЯ С ШАМИЛЕМ

Сдано в набор 7.04.97 г. Подписано в печать 30.07.97 г. Формат 60х84
1/16, Усл. п.л. 4,65. Печать офсетная. Бумага офсетная. Зак. 722 г. 3000.

Набрано и отпечатано в Республиканской газетно-журнальной типо-
графии Комитета Правительства РД по печати. Махачкала, Комсомольс-
кий проспект, 61.